

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В доперестроечный период в Советском Союзе информация о еврейской религиозной жизни практически отсутствовала, как и еврейская тема вообще. Такое табу на еврейскую тематику со временем привело к тому, что создалось впечатление о полном отсутствии религиозных евреев в послевоенный период. Каково же было реальное состояние дел?

Как мы уже видели, после 1937 г. в городе не функционировала ни одна официальная *синагога* или молебельный дом. Любое проявление религиозности преследовалось, и жизнь верующих протекала в частных домах и квартирах. Бесспорно, большая часть евреев отошла от религии, молодое поколение чувствовало себя «полноценными советскими людьми» и было далеко от иудаизма, а многие сами вели с ним решительную борьбу.

Казалось, что в послевоенные годы, когда очевидно изменилось количество самих евреев и их психологическое состояние, религиозная

жизнь города должна была практически сойти на нет. И хотя, действительно, верующих становилось с каждым годом все меньше, но они не отступились от своей религии и, как могли, старались соблюдать древние традиции. За это многие из них поплатились тюрьмами и ссылками во время репрессий начала 50-х годов.

После смерти Сталина в годы «оттепели» давление на религиозных евреев немного ослабло. Их, бесспорно, отслеживали, знали все, что происходит в этой среде, но за решетку не бросали, а проводили душещипательные разъяснительные беседы. За-

Развалины одной из могилевских синагог на углу улиц Первомайской и Крыленко. После закрытия в 30-х гг. XX в. в ней располагались клуб и ресторан.

Послевоенное фото из фондов МОКМ

«Отец был очень набожным, да и мама тоже. Они ходили каждую субботу и в праздники в синагогу, которая находилась против теперешнего универмага, большую, каменную. Там жил такой старик Качурин. Мы тоже там бывали. Как всегда, внизу молились мужчины, на балконе — женщины. Когда мне было лет 6—7, я точно помню, что синагога еще была. Вот когда была ликвидирована эта синагога, я не помню, а разрушено здание было во время войны» (из воспоминаний Залмансона Зели Яковлевича (1921—2007)).

нимались этим, конечно, компетентные органы, но непосредственно отвечал за такую работу специально созданный при облисполкоме Совет по делам культов, подчинявшийся соответствующему органу при Совете Министров.

Благодаря сохранившимся в Государственном архиве общественных объединений Могилевской области и Государственном архиве Могилевской области отчетам уполномоченных этого Совета сегодня можно узнать много интересных фактов о послевоенной религиозной жизни в Могилеве, назвать конкретные фамилии и отдать дань уважения тем людям, которые смогли преодолеть свой страх и делать то, без чего не могли представить свою жизнь.

В июне 1954 г. всем уполномоченным по делам культов из вышестоящей инстанции были «спущены» указания по деятельности в отношении действующих на территории республики незарегистрированных религиозных групп. Интересно, что властями подобные группы четко делились на две категории. К первой причислялись те, которые теоретически могли быть зарегистрированы. Именно к ним относились самодеятельные иудейские религиозные общины. Вторую категорию составляли так называемые «антисоветские» группы, например «сионисты-мурашковцы». Им непосредственно занимались органы госбезопасности, а вот первая категория и была сферой приложения сил уполномоченных, которые должны были всесторонне «выяснить» их деятельность и сообщать всю собранную информацию в обком и облисполком для принятия дальнейших мер. Первой мерой обычно был вызов руководителей группы на «ковер» и предупреждение о нарушении законоположения о культах. Следующими шагами становилось обложение подоходным налогом за получение доходов от совершения религиозных обрядов и сдачу внаем помещений. Как мы увидим ниже, могилевский уполномоченный следовал этим инструкциям.

В отчетах уполномоченного Совета от 29 апреля 1955 г. указывалось, что в Могилеве действуют четыре оформившиеся *миньяна* (кворум для проведения молитвы: согласно религиозным законам для этого должно присутствовать не меньше 10 совершеннолетних мужчин): по улице Плеханова, 28 у **Баси Гелиной**, по ул. Езерской, 21 у **Лейбы Качурина**, на Луполово по Б. Чаусской у **Кагана** и в районе железнодорожной станции — поселка Кагановича. Делалось уточнение, что первые два из них существуют уже долгое время на одном месте, вторые два — меняют адреса (ГАМО, ф.2336, оп.1, д.4, л.91).

Согласно отчетам за 1956 г. (ГАОМО, ф.9, оп.71, д.38) речь идет уже о трех миньянах. Приведены и более подробные сведения о них.

Первый и, по-видимому, основной находился на пересечении улиц Плеханова и Менжинского, в доме, принадлежащем Басе Гелиной (по различным воспоминаниям могилевчан, сестер-хозяек дома звали **Печа-Роха** и **Тайба** или **Бася** и **Таня**. — *А.Л.*). Организован был этот миньян еще в 1945 г. **Гиршей Шленов Хавкиным** (1889—1966). Количество верующих, посещающих этот молельный дом, доходило до ста человек. «Руководителями» этой группы называются **Орман**, **Хавкин**, **Гуревич**. Службы вел Орман.

Второй миньян располагался в собственном доме Арья-Лейбы Лейзеровича Качурина по ул. Езерской, 21, в самом центре города около Дома Советов. Возник он немного позже первого, в 1947 г. В качестве служителя выступал сам хозяин дома. Актив составляли **Сана Грабовщинер**, **Соломон Лесов**, **Есиль Басин**, **Заболотин**, **Цодиков**. Здесь тоже количество верующих в праздники достигало 100 человек.

Третий миньян, который в 1958 г., по сведениям Совета по делам культов, перестал уже существовать, в то время собирался в доме на Красносаяперном переулке. Актив его составляли

ЛЮДИ

КАЧУРИН Лейба Лейзерович (1898 — год смерти неизвестен)

*«Это чисто детские воспоминания. Рядом с нами на улице Езерской жила семья Качурина. Старик **Качурин** — очень красивый человек с карими глазами и черной бородой, добрый и веселый. Работал он извозчиком. У него был очень интересный фаэтон, как в старые времена, с откидным верхом. Я хорошо помню его жену **Хая** и внучку **Галю**. У нас были с ними самые хорошие отношения. Качурин приходил к нам в дом, разговаривал с папой.*

Помню, как-то он пришел на нашу кухню и стал рассказывать, как он поспорил с одним извозчиком, и, размахивая палкой, изображал, как он его бил. Палка задела лампочку — и свет в доме погас. Все дети стали хохотать, а он ругнулся и ушел.

*Качурин говорил маме, что перед шабатом, когда евреи должны прийти к нему молиться, жена **Хайцеле** (так он ее называл) всю ночь «лежит в печке». Он имел в виду, что она фарширует на всех рыбу, и, чтобы рыба не подгорела, вынуждена все время заглядывать в печку. Внучка **Качурина**, **Галя**, по-моему, сейчас живет в Петербурге» (из воспоминаний **Иванишко (Глазшнейдер) Светланы Яковлевны**).*

Кабишер, Фрайман, Шохир и Метелица. Собиралось здесь до 50 человек, а «подчинялся» он Орману.

Еще один временный миньян во время праздников, Нового года и Судного дня собирался на квартире по ул. Ленинской, 10. Сюда приходило до 50 человек.

Духовное руководство миньянами осуществлял признанный в качестве служителя культа **Арон Шмулевич Орман** (ГАООМО, ф.9, оп.103, д.47). Все, что о нем известно, это то, что он в то время был пенсионером, а родился в 1882 г. Никакого духовного образования не получил.

Сборы во всех миньянах проводились явочным путем. Люди приходили по одному, по два человека, стараясь не привлекать к себе внимание. В справке это названо «методом просачивания». Когда народа собиралось очень много и все не вмещалось в дом, часть оставалась на улице.

В отчете об осенних еврейских праздниках сообщалось, что их проведение «на работу учреждений, организаций и предприятий влияния не имело, а также и на проводимые хозяйственные мероприятия в области». Какой-либо организованной особой подготовки со стороны верующих не наблюдалось, заметно было лишь то, что верующие евреи в дни праздников одевались более нарядно (ГАМО, ф.2336, оп.1, д.85). Хотя в другом отчете о весенних праздниках отмечалось резкое уменьше-

ние проданных билетов в кинотеатры «Родина» и «Чырвоная Зорка» в субботние и воскресные дни, что связывалось с празднованием первых дней еврейской Пасхи — *Песаха*, «т. к. другие веские причины подыскать трудно» (ГАООМО/ГАМО, д.13, л.38).

Много места в отчетах отводилось конкретным обрядам. Отмечалось, что в 1956 г. в Могилеве уже практически не выполнялся обряд обрезания, хотя в Бобруйске и в 1957 г. через него проходило 25—30% от общего числа родившихся мальчиков (ГАООМО/ГАМО, д.10, л.28). Также утверждалось, что в праздник Суккот не устраивали шалашей, хотя, по воспоминаниям могилевчан, шалаша в частных домах в 50 — 60-е гг. все же строили.

К Песаху обязательно изготавливалась маца. Для этого создавались специальные места, где оборудовались кустарные мастерские и работали частные бригады пекарей. За свою работу они получали определенное денежное вознаграждение в зависимости от количества муки, принесенной заказчиками. «Подобных мастерских в г. Бобруйске было организовано 3—4. Такие же... мастерские были организованы верующими евреями города Могилева: в подвальном помещении частного дома Гелиной Баси — угол Менжинского и Плеханова, по Красносаперному переулку по соседству с артелью художников и в районе ж/д станции "Могилев"» (ГАООМО/ГАМО, д.10, л.28).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

БЕЛКОВСКОЙ Валентины Афанасьевны (р. 1928)

«Бася и Таня Гелины появились в нашем районе году в 1937. Было им в это время около тридцати лет. Бася была старшей. Откуда они приехали, я не знаю, они об этом никогда не рассказывали. Но кругом говорили, что это было связано с начавшимися репрессиями. Возможно, убежали от ареста. Они купили большой дом на углу Плеханова и Менжинского, который и сейчас стоит. Гелины были небогатыми людьми. Мужья Баси и Тани (очень красивые мужчины) работали на аэродроме, Таня немного шила, а Бася занималась только домашним хозяйством. После войны вернулись только сестры с детьми. Муж Баси, как она рассказывала, был комиссован и умер в эвакуации, а муж Тани, по-видимому, погиб на фронте.

Уже до войны в их доме начали проходить моления. Я это знаю, потому что и нас, детей, приглашали по субботам затушить свечи. Все проходило очень тихо, и людей было немного.

Помню, что когда умерла их мама, она лежала на полу первого этажа на соломе, зашитая в белый саван типа комбинезона. Вокруг нее сидели незнакомые женщины-плакальщицы. Я говорю маме: «А почему тетя Таня и тетя Бася по бабушке не плачут, а плачут совсем чужие люди?» Потом приехала белая лошадь, бабушку вынесли, положили в гроб и накрыли таким белым покрывалом в виде сетки. Все пошли за лошадью, и мы следом. Так на Бесхаим (так называлось в народе еврейское кладбище. — А.Л.) босиком и пришли. Захоронение вел белорус Демьян. Когда начали опускать гроб в могилу, все стали разбегаться в разные стороны. Потом Бася сказала, что так положено: чем человек дальше отбежит, тем дольше проживет. На обратном пути Бася нас взяла за руки и повела другой дорогой.

А вот после войны людей на моления приходило очень много. Большая комната размером с весь дом заполнялась полностью. Приходили незаметно, по 2—3 человека, и так же тихо расходились. Службы вел маленький седенький красивый старик, который жил где-то в районе Дубровенки, ниже военкомата. Как его звали, я не знаю.

Интересно, что как-то после войны в еврейский праздник при большом скоплении народа пришла к Гелиным сестра председателя колхоза «Коминтерн» Сергеева, которая была замужем

В состоявшихся беседах уполномоченного с активистами еврейских религиозных общин Могилева и Бобруйска **Драбкиным** и **Гершоном** последние жаловались на то, что в таких примитивных мастерских выпечка мацы может производиться лишь с нарушением религиозных требований, и на невозможность удовлетворить потребности всех верующих. Ведь маца должна быть заготовлена на 8 дней Песаха, «т. к. на протяжении всех 8 дней... все основные кушанья должны приготавливаться из мацы, и верующим нельзя все эти дни кушать хлеб и другие булочные изделия, продаваемые в магазинах» (там же).

Еще отчеты утверждали, что обычай соблюдения «кашрута» превращался только в видимость и приспособлялся к существующим условиям. Так, из беседы уполномоченного с Драбкиным выяснилось, что «верующие евреи покупают мясо в общем порядке в магазинах и на рынках, но его вымачивают в воде, потом просушивают, чтобы стекла вода и сукровица, после этого пересыпают солью и считают, что такое мясо уже кошерное (д.10, л.30). Для всех миньянов функции резника «официально» осуществлял уже известный нам **Сана-Шая Грабовщине** (хотя действовали и другие), который до революции закончил ешиву и в 20-е гг. был *меламедом* (учителем. — А.Л.) в одном из могилевских хедеров. В 1950 г. Нисанель Грабовщине был осужден за свою религиозную

деятельность на 25 лет, валил лес под Воркутой и вышел из заключения в 1954 г. В одном из отчетов уполномоченный сообщал, что «тайно существующий резник Грабовщине режет евреям только птиц и без разрешения боится заниматься резкой животных для снабжения евреев передней частью коров и телят» (ГАООМО, ф.9, оп.71, д.38).

Проанализировав деятельность миньянов и разговоры с верующими, уполномоченный сделал вывод, что в Могилеве существует «еврейское религиозное руководство». В состав такого местного центра, по его утверждению, входят те же **Орман** (выполняющий роль местного раввина), **Хавкин**, **Драбкин**, **Кабишер**, **Заболотин**, **Качурин**, **Гуревич** и резник **Грабовщине**.

Отмечалось, что «очень видную организационную роль в расширении и укреплении религиозной деятельности евреев Могилева» играл некто **Демб Ханин Гершович** (1911 г.р.), польский еврей, уроженец г. Ровно, окончивший в 1935 г. ровенскую еврейскую духовную семинарию (наверное, имеется в виду ешива), который приехал в город из западных областей. Начиная с 1952 г. выполнял в миньянах на Плеханова и Езерской обязанности кантора (главного певца). Как выяснили компетентные органы, он проходил обучение в школе главных раввинов в Москве в главной синагоге, т. к. Орман был уже стар и ему нужно было готовить замену. Отчеты представляли его как «законченный,

за евреем. Ее муж умер и завещал похоронить его по еврейской традиции. Вот она пришла, и начала кричать: «Он уже из гроба вылезает, а вы не идете его хоронить». Не хотели его хоронить по еврейскому обряду то ли потому, что был он недостаточно верующий, то ли потому, что был женат на русской. Но все же потом согласились.

В 70-х годах Таня с дочкой Любой уехали в Америку, а Бася не хотела уезжать. И даже когда Таня, которая там неплохо устроилась (говорили, что она прислуживала в какой-то религиозной общине), все звала сестру или хотя бы ее сына Липу, который работал парикмахером в Мозыре, Бася так никуда и не уехала. Когда приходило очередное Танино письмо с приглашением, она говорила, что когда ее пригласит лично Рейган, тогда она в Америку и поедет. Однажды в ее доме случился пожар, и она получила комнату на Рабочем поселке. Она еще несколько раз приходила к нам, жаловалась на свою одинокую жизнь, болезни. Год ее смерти мне неизвестен».

Дом **Гелиных** на углу улиц Плеханова и Менжинского, где собирался один из самых больших миньянов в Могилеве.

Арон Шмулевич Орман с женой.
Фото из семейного архива Каждана А.

окончательно разложившийся элемент», дезертировавший из рядов Советской армии в годы войны, дважды женившийся и бросавший своих жен, да еще ко всему имевший брата в Израиле и дядю в США (ГАМО, ф.2336, оп.1, д.13, л.69).

Много внимания в отчетах уделялось связям могилевских евреев со своими собратьями в других

регионах Советского Союза и за его рубежами. Так, в сентябре 1958 г. в Могилев пришло письмо за подписью председателя Пятигорской религиозной общины Лейфера, где могилевских евреев просили помочь евреям Пятигорска в сборе средств на строительство синагоги, на что было получено разрешение крайисполкома. По этому поводу уполномоченным были вызваны на беседу все представители могилевских миньянов и предупреждены о том, что «сбор денег может иметь место только в случаях, установленных правительством СССР». Непослушание каралось уголовной ответственностью (д.15, л.35).

Особое место в отчетах уделялось посылкам и другим почтовым сообщениям на имя Могилевской религиозной еврейской общины из Израиля и США. Обычно посылки приходили перед Песахом или еврейским Новым годом. Присылались маца, апельсины, ветки мирты и различные благовония. Поскольку зарегистрированной еврейской организации в городе не было, обычно эти посылки конфисковывались, но иногда все же доходили до адресата.

ЛЮДИ

ОРМАН Арон Шмулевич (1882—1961)

«Наша семья приехала в Могилев сразу после войны. Это были мама, папа и трое моих старших братьев. Я родилась уже в Могилеве в 1949 г. и прожила здесь до замужества. С 1974 по 1989 г. я жила в Минске, а с 1989 г. и до настоящего времени живу в США.

*Вся моя жизнь в Могилеве связана с семьей **Орманов**. Наша семья жила в одном с ними доме по ул. Чкалова, 16. Мы росли вместе — **Алик, Фира, Семен и Миша Орманы** и мои братья — **Гриша, Лева, Марик** и я — **Аня Шейман**. Мы, конечно, все были разного возраста, но наше детство проходило друг у друга перед глазами, и мы сохранили теплые воспоминания о нем на всю жизнь. Наш дом снесли в 1968 г., и мы потом жили все рядом в микрорайоне «Юбилейный».*

*В большом деревянном доме, где мы жили, было три квартиры, одну из которых занимал дед наших друзей **Орман** с женой, в ней долгое время была нелегальная синагога (во второй квартире жил его сын с семьей, третью занимала наша семья). У нас был общий двор, и, конечно, я помню, как старики по субботам приходили к деду молиться, как там собирались люди и «негромко» отмечали еврейские праздники. Мои родители в такие дни тоже туда ходили, мама заносила «слекех». Моя детская память того времени запечатлела ощущение тайны и запрета происходящего. Я помню, как милиционер разгуливал возле дома в такие дни, а иногда и заглядывал во двор. Иногда я слышала от родителей, что больше к Арону не будут приходить — запретили, но потом все возобновлялось. Весной по ночам у него некли мацу и днем люди приходили ее разбирать. Только став взрослой, я поняла, какой это был смелый человек: на протяжении многих лет в его доме была подпольная синагога, а ведь это были небезызвестные 50-е. А тогда для нас он был просто дед Арон-Йсеев, так его называли. Я сейчас понимаю, что это было двойное имя, а для нас это звучало как одно. После его смерти в его квартире стала жить семья его дочери, которая в Могилев переехала из Бельничей» (из воспоминаний **Левитиной Анны** (р. 1949), США).*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ**ИОФФЕ Аси Ефремовны** (р. 1926)

«До войны мы никогда сами кур не резали, носили к шейхету (резнику). После войны на Быховском рынке был такой мясник, его все называли «Китайчик». Он не был евреем, но знал откуда-то основные принципы, как нужно разделявать кур по еврейскому обычаю, и он нам всегда резал кур...»

Так, в апреле 1957 г. «посылки этим дельцам были вручены по распоряжению зам. начальника могилевской конторы **С. Рябчина** (по национальности еврея)» (ГАООМО, ф.9, оп.103, д.47). В августе 1957 г. посылки были вручены представителю евреев Довнару. В 1958 г. получать письма и посылки, адресованные «Могилевской еврейской религиозной общине», помогала служащая центрального почтамта **Цукерман**, дочь активиста одного из миньянов (ГАМО, ф.2336, оп.1, д.15, л.36).

Из активных почтовых связей делался конкретный вывод, что активизация религиозной деятельности еврейских групп велась из-за рубежа. Уверенность в этом окрепла после июня — июля 1956 г., когда СССР впервые посетила группа раввинов из США. Они проехали по некоторым городам Союза и посетили действующие синагоги. Примерно в этот же период, как выяснил уполномоченный Совета, Орман выезжал в Москву, Ленинград, Минск, Харьков, Киев. Из этого делалось однозначное заключение, что тот встречался с делегацией раввинов и получил от них определенные инструкции. В этом же году представителями религиозных евреев города было подано заявление в облисполком за подписью 30 человек об открытии синагоги в Могилеве и регистрации еврейского религиозного общества. По утверждению Совета по делам религиозных культов, это лишь бесспорно подтверждало версию о «руке Запада».

Приведем заявление почти полностью:

«Мы, представители верующих евреев города Могилева, просим зарегистрировать нашу еврейскую религиозную общину.»

До сего времени верующие евреи совершали молитвенные обряды в частных домах. Одна группа молилась по ул. Плеханова, вторая — по ул. Езерской, по субботам и религиозным праздникам. В обеих группах насчитывается свыше 500 мужчин и женщин. Причем, из-за тесноты помещений многим приходится стоять вне помещения...»

Домовладельцы просят освободить помещения, т.к. они были сданы временно.

Поэтому просим выделить в распоряжение верующих евреев помещение бывшего молитвенного дома по ул. К. Либкнехта, 21, занимаемое в настоящее время добровольным культурным обществом «Спартак».

При наличии этого помещения будет возможность принять участие в молитвенных обрядах в религиозные праздники лиц, проживающих в ближайших районах области, как-то: Чаусский, Шкловский, Бельничский и др.» (ГАООМО, ф.9, оп.71, д.38).

После подачи такого заявления некоторые «подписанты» явились на прием к уполномоченному, где тот, по его же утверждению, старался «выяснить формы и методы проведения религиозной деятельности в миньянах, выяснить лиц, проводивших молитвенные собрания, численный состав миньянов, причины, побудившие к ходатайству об открытии синагоги, и др. вопросы».

Вот какие нюансы ему удалось еще выведать: «В других городах СССР имеются синагоги и раввины, а в Могилеве — нет. «Мацу» нет где выпекать, а если и печем «Мацу», то не более, как в двух домах и при этом не можем соблюдать все религиозные требования». «Верующие не могут удовлетворить потребности в «кошерном мясе»

Здание бывшей «Купеческой» синагоги. Сегодня здесь размещается клуб бокса.

Дом на ул. Миронова, в котором до революции располагалась еврейская больница.
 Фото 70-х гг. XX в. Филиповича И. из архива Филинова В.

от передков животных, когда животное должно быть зарезано еврейским резником с соблюдением религиозных правил. Это возможно будет делать при наличии "Синагоги".

Все эти причины уполномоченный называет «надуманными», а первоотчетчиком, как мы уже говорили, признается именно визит раввинов США.

Кроме того, делался еще более глубокомысленный вывод: «Возможно так же, что могли осуществить связь с головкой Миньянов и оказали толчок и помощь к объединению под одно духовное руководство Ормана освобожденные из мест за-

для отдельных религиозных обществ. И еще: «Отсутствие синагог в области будет положительно сказываться на дальнейшее отмирание и других религиозных обрядов и обычаев этого культа» (стиль сохранен. — А.Л.). От этих принципов советская власть не отступала и в дальнейшем.

А тогда решением облисполкома от 28.01.1957 г. в ходатайстве о синагоге было отказано под предлогом того, что здание, которое просили верующие, используется под спортивный клуб с 1938 г.

К этому времени, по официальным сводкам, миньяны, кроме Могилева, действовали

клочения сионисты, бундовцы и всякого рода элементы, чуждые марксистско-ленинской идеологии» (ГАОМО, ф.9, оп.71, д.38). Правда, признавался уполномоченный, «этого мне установить не удалось, но и в этом направлении работу следует продолжать, не упускать с поля зрения» (стиль сохранен. — А.Л.).

Все эти записки были учтены, когда заявление рассматривалось облисполкомом, хотя говорить о том, что был возможен какой-либо вариант ответа, кроме отрицательного, не приходится. Ведь, по утверждению того же уполномоченного, «нельзя в дальнейшем допускать регистрацию объединений, нельзя делать никаких исключений

Тотальный контроль за миньянами

16 марта 1970 г. уполномоченный совета по БССР Г. Ковалев направил всем уполномоченным областных советов секретный циркуляр, в котором предписывалось: «В текущем году религиозный праздник «Пурим» евреи будут отмечать 22 марта сего года и «Пасху» 21 апреля. Там, где имеются группы (миньяны), необходимо установить наблюдение за подготовкой и проведением данных праздников.

В связи с обострившимся положением на Ближнем Востоке и активизацией международного сионизма прошу Вас всеми доступными средствами изучить настроение вышеуказанных еврейских групп и информировать нас о праздновании «Пурима» к 25 марта, а о праздновании «Пасхи» к 25 апреля» (НАРБ, ф.136, оп.1, д.19, л.70).

Местные органы власти получили очень важное задание, поэтому был мобилизован ряд чиновников и сотрудников органов внутренних дел. Впрочем, уже не в первый раз, да и не в последний. Дело осложнилось только одним — подвели «информаторы» уполномоченного, сообщили ему неверную дату празднования.

По итогам проведенной работы исполнительный комитет Могилевского областного совета депутатов трудящихся 25 марта 1970 г. сообщил Г. Ковалеву: «Согласно Вашего письма Уполномоченный совета по Могилевской области поставил в известность председателей райгорисполкомов о еврейском религиозном празднике «Пурим» с просьбой организовать наблюдение за миньянами и по возможности изучить настроение еврейских групп, действующих в гг. Бобруйске, Могилеве, Шклове, Мстиславле и других местах.

22 марта представители горрайисполкомов посетили адреса, которые являются местом сборищ верующих иудейского вероисповедания, но в этот день молитвенных собраний не проводилось. Выяснено, что евреи отмечали «Пурим» 20 марта. Многие верующие евреи отмечали этот

в Бобруйске (7), Мстиславле, Черикове, Шклове, Костюковичах, Краснополье, Осиповичах и Бельничках (ГАМО, ф.2336, оп.1, д.10). В Осиповичах религиозные евреи решились даже на «самовольное» строительство молитвенного дома, для чего была закуплена деревянная хата в деревне и перевезена в город. Но бдительность местных партийных и других органов не позволила довести начатое дело до конца. Дом был конфискован, а на «виновных» наложили взыскания (д.26).

По отчетам можно проследить, как менялось количество религиозных евреев в Могилеве со временем, по крайней мере, по оценкам самих уполномоченных. Так, в 1955 г. их было около 700 человек, в 1957 г. — 600 (д.13), а в 1959 г. — только 250. Кроме того, по утверждению уполномоченного, «в результате проведенных партийными и советскими органами мероприятий в марте — мае 1959 г. миньяны прекратили свое существование» (д.15). Тут явно желаемое выдавалось за действительное, тем более что в отчете за 1960 г. без тени смущения сообщалось о сохранившемся в городе на 01.01.1961 г. одном миньяне (д.18). Вероятно, «сверху» требовали вполне определенных цифр и в нижних эшелонах власти хотя бы видимостью бурной деятельности стремились оправдать оказанное

Снос бывшей еврейской больницы на ул. Миронова.
Фото 70-х гг. XX в. Филиповича И. из архива Филинова В.

доверие. Местные органы и уполномоченные Совета, говоря словами отчета, оказывали на руководителей миньянов и домовладельцев, которые их «привечали», «воздействие предупредительного характера». Уполномоченные жаловались вышестоящим органам, что проводимая работа не дает ожидаемых результатов. Если после титанических усилий миньян все же закрывался в одном месте, то через месяц-другой появлялся в другом. С такими кочующими религиозными точками бороться им было трудновато. И основная проблема, по мнению «контролеров за религиозным порядком», состояла в возрасте верующих. К людям пожилого возраста

праздник в семейном кругу, отдельные устраивали вечера, на которые приглашали родственников и знакомых» (НАРБ, ф.136, оп.1, д.19, л.94).

В г. Бобруйске работники милиции и члены комиссии содействия по контролю за выполнением законодательства о религиозных культах при Бобруйском горисполкоме установили, что праздник «Пурим» евреи в миньянах не отмечали. Они временно прекратили собираться в этих местах по причине страха из-за возможных репрессий, так как в то время в печати, по радио и телевидению давался «отпор международному сионизму», разоблачалась «провокационная деятельность руководителей государства Израиль», направленная на переселение еврейского населения из СССР на землю обетованную.

*Участковый уполномоченный милиции в своем рапорте на имя заместителя председателя Ленинского района г. Могилева сообщал о своих наблюдениях за миньяном, который находился в доме гражданина **Михаила Васильевича Мотуса** по 1-му Крутому переулку. Отметил, что с февраля 1970 г. евреи в этом доме не собираются. В результате опроса соседей выяснилось, что хозяин дома говорил: «Голда Меир наделала много шума, как бы это все не обернулось против нас. Наши моления могут рассматриваться по иному, так лучше пока молиться в одиночку».*

Логическим завершением этого небольшого эпизода из жизни могилевских евреев 1970-х гг. является фраза уполномоченного совета по делам религии по Могилевской области П. Петрова: «Изучение групп иудейского вероисповедания продолжается» (НАРБ, ф.136, оп.1, д.19, л.95).

По данным «Сведений о наличии религиозных объединений, служителей культа по областям БССР», на территории Могилевской области действовали, но не прошли официальную регистрацию иудейские религиозные объединения в 1970 г. — 10, 1974 г. — 10, 1978 г. — 5, 1980 г. — 3 общины (НАРБ, ф.136, оп.1, д.17, л.40; д.33, л.84; д.49, л.165; д.59, л.69).

И. Пушкин

Вид на могилевское Школище и здание старого молеельного дома.
В послевоенное время он никогда не использовался по назначению.
Фото 50-х гг. XX в.

(основной контингент миньянов) не мог быть применен Указ Президиума Верховного Совета БССР от 15 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Не могла к ним применяться и уголовная ответственность, т. к. в их действиях отсутствовал состав преступления. Оставались лишь меры общественного воздействия и предупредительные меры местных органов власти, которые активно применялись в 60-х гг. «В 1962 году, — сообщил уполномоченный в одном из отчетов, — я обратился за помощью в органы прокуратуры. В письме от 26.04.1962 г. указал адреса сборов верующих евреев и руководителей этих молитвенных домов и просил вызвать их в прокуратуру для предупреждения и взятия подписки об этом. Эта моя просьба удовлетворена» (д.26, с.33). В какой-то степени подобная деятельность, по-видимому, приносила свои плоды. По крайней мере, в отчетах цифры верующих неуклонно и резко сокращались. Так, на 01.01.1963 г. в Могилеве их оставалось 40—50 человек (д.26, л.44). В последующие годы о деятельности миньянов сообщается все меньше (возможно, повлиял чисто субъективный фактор — смена уполномоченного), однако в отчете за 1965 г. снова значатся 4 миньяна с общим количеством в 80 верующих (д.34, л.22).

В сообщении о прохождении Песаха в 1973 г. говорится о 10 молеельных домах в области, а «сборища» верующих отмечены в 5 из них. В Могилеве к этому времени молилось около 60 человек пожилого возраста (д.28, л.12). В 1985 г., по официальным сводкам, в области оставался лишь один миньян,

да и тот, по-видимому, в Бобруйске (д.85).

Мы не имеем на руках архивных данных о развитии событий в 80-е гг. Об этом можно судить по живым воспоминаниям конкретных людей. К сожалению, участников тех событий в Могилеве почти не осталось: большинство умерло, многие уехали.

Но все же можно с уверенностью сказать, что существование миньянов не прекращалось несмотря ни на какие нажимы. Конечно, власти уже не расстреливали, как в 1937 г., и не сажали, как в 40-е — начале 50-х гг., а ограничивались вызовами в компетентные органы, суровыми беседами, посещениями участкового и угрозами. Конечно

же, такие меры действовали в первую очередь на более молодых людей. Угрозы лишения работы, например, и обвинения в антисоветской деятельности для них были вполне реальны и могли кончиться очень плачевно. Но властям было важно именно ограничить распространение религиозности и прервать связь поколений. Это касалось не только иудейства, но, в неменьшей степени, православия и католичества (вспомним, например, оцепления вокруг действующей церкви во время Пасхи или Рождества). Таким образом, результат был, в принципе, достигнут: поколение 70-х практически не владело языком идиш, иврит не знало вовсе, были забыты еврейские традиции.

Но пока были живы старики-евреи, они, несмотря на все гонения, продолжали собираться на частных квартирах в шабат и праздничные дни. Миньяны продолжали существовать и перемещались из дома в дом, из квартиры в квартиру.

Собирались на Дебре, на Дубровенке, в других частях города. Так, много лет миньян существовал в доме **Зелика Зеликова** на 2-м Крутом переулке, который стоял над оврагом недалеко от ДК Швейников.

Налевой Дубровенке в доме № 15 у **Саула Шульмана** миньян собирался и после смерти хозяина, вплоть до 1984 г.

На Луполово миньян существовал в доме **Гиршела Агреста** на Полевой улице. Читали молитвы там сам хозяин дома и **Абрам Дусовицкий**. Он просуществовал до конца 70-х гг.

До начала 60-х функционировал миньян в квартире **Наума Дахина** на ул. Первомайской в «доме Ленина». Кто здесь вел службы — неизвестно.

Мацу тоже продолжали печь (как индивидуально, так и централизованно). Одним из основных мацаделов в 60—70-х гг. был **Исаак Борисович Рыжов**, в прошлом возчик. Его производство располагалось в сарае дома недалеко от металлургического завода. Потом его дело продолжил сын Эдуард Исаакович.

Еще делал мацу один из лидеров религиозных евреев Качурин и другие, имена которых остались не известными.

Миньяны собирались не только для моления. Очень важной задачей их была помощь бедным евреям, для чего постоянно проводился сбор средств и вещей.

Перезахоронение евреев, расстрелянных фашистами в годы войны, и установление памятника на еврейском кладбище — одно из значительных событий в жизни религиозных евреев Могилева тех лет и их непосредственная заслуга.

А. Литин

ЕЩЕ О МОГИЛЕВСКОМ МИНЬЯНЕ

В самом начале перестройки, в 1987 г., в Израиле была опубликована книга «Синагога — разгромленная, но непокоренная», авторство которой приписывалось **Израэлю Таяру**, хотя в предисловии читатели предупреждались, что подлинное имя автора им неизвестно, как и то, каким образом рукопись оказалась в Израиле (за год до этого отдельные отрывки были опубликованы в самиздатском журнале «Ленинградский еврейский альманах» (№ 9, 1986)).

Как было указано в предисловии, автор «взял на себя нелегкую, а для него, в его далеко не молодом возрасте, с войной и лагерями за плечами, нелегкую вдвойне задачу — объехать почти всю так называемую «периферийную» часть Советского Союза (за исключением Молдавии и Прибалтики) — Кавказ, Закавказье, Среднюю Азию, Сибирь, Украину, Белоруссию; увидеть своими глазами, что сохранилось там от еврейской религиозной жизни, и с максимальной точностью описать увиденное. [...] Книга эта — документ первостепенной важности, наиболее полный

рассказ очевидца о жизни еврейской глубинки Советского Союза в годы после периода «большой алии» (т. е. после массовой репатриации 70-х годов)». Один из фрагментов этой книги посвящен могилевским миньянам конца 70-х — начала 80-х гг., свидетелем существования которых стал автор.

Гораздо позже, можно сказать, совсем в другую эпоху, в Иерусалиме была издана книга **Шимона Янтовского** «Судьбы еврейских общин и их синагог СССР, 1976—1987. Очерки и иллюстрации». (Маханаим, Иерусалим, 5763/2003), из которой становится понятно, что он и **Израэль Таяр** — одно лицо. Вот его краткая биография.

Шимон (Семен) Абрамович Янтовский родился 15 октября 1909 г. в Мариуполе (Украина) в семье многодетного ремесленника, религиозного еврея. Первоначальное образование получил в хедере и в еврейской школе. В Харькове, куда переехала семья во время голода 1919 г., Шимон приобщился к сионистским идеям. По возвращении в Мариуполь стал организатором местной нелегальной ячейки «Га-Шомер га-цаир», за что в 1926 г. был арестован, но вскоре освобожден. В 1933 г. поступил в Ленинградский политехнический институт, а после его окончания в 1938 г. работал в Институте химической физики АН СССР. Когда началась война с нацистской Германией, вступил в ряды ополчения и участвовал в сражениях на Ленинградском фронте. В декабре 1941 г. попал в плен и до осени 1944 г. находился в лагерях в Финляндии. После освобождения из финского плена его не минули лагеря советские. Работал в ряде прикладных институтов, защитил

Дом, в котором собирался один из могилевских миньянов (предположительно, Зелика Зеликова во 2-м Крутом переулке).
Фото конца 70-х гг. XX в. из коллекции Шимона Янтовского

кандидатскую диссертацию и подготовил докторскую по вопросам химико-физических механизмов защиты от пожаров и взрывов. В 1977 г. подал заявление на выезд в Израиль, и в течение 10 лет находился «в отказе». Именно в это время им совершены описанные путешествия.

Публикуем отрывок из книги Ш. Янговского, посвященный могилевским миньянам.

Развалюха вместо синагоги (из Могилева)

«Чтобы не искать ночлега в Калинковичах, я решил ехать ночным поездом до Могилева. Билет можно было достать только в общий вагон, который оказался почему-то переполненным до отказа. Всю ночь пришлось просидеть сдавленным со всех сторон, и только под утро удалось растянуться на третьей полке под потолком. Такая тяжелая поездка случается, к счастью, довольно редко, и в отличие от поезда Бухара—Душанбе среди пассажиров не было пьяных и явных воров. В шикарной современной гостинице мне сначала предложили подождать, так как было еще раннее утро, но ждать пришлось недолго, и вскорости я оказался в хорошем номере.

Отдохнув и прочитав *Шахарис* (утренняя молитва — А.Л.), пошел искать синагогу. Центр города застроен высокими красивыми домами, немного напоминает Минск. Из одного магазина выходит маленький сухонький старик, похожий на еврея. Спрашиваю на идиш еврей ли он, отвечает: «Да». — «Где помещается синагога?» — «Синагоги в городе нет, но есть миньян, в котором молятся только по субботам и по праздникам».

Он сначала пытался объяснить, как найти миньян, а потом сказал: «Поехали вместе, и мне ехать в этом же направлении». По дороге мы познакомились, его зовут Давид, ему семьдесят шесть лет, но он еще работает уборщиком в каком-то учреждении, а всю жизнь проработал рассыльным. Не религиозен, но изредка посещает миньян. Сейчас миньян в плохом состоянии. Владелец домика умер, его наследники не живут в этом домике, и он приходит в ветхость. Есть в городе *шойхет* (специалист по забою скота и птицы согласно Торе. — А.Л.), который сейчас болен, он живет где-то в «овраге» — так называется часть старого города. Верующих людей осталось совсем мало. Попроцавшись с Давидом, я пошел по указанному направлению и быстро нашел этот домик.

То, что я увидел, произвело удручающее впечатление. За невысокой оградой обычный сруб, наклонившийся, предельно ветхий, настоящая развалюха. Калитка оказалась незапертой, и можно было войти во двор. На дверях висающие замки, окна закрыты ставнями, никаких признаков жизни, кругом запустение, жуть! Неужели здесь хранятся свитки? Дом на отшибе, с ним граничат такие же полуразвалины, хотя они и недалеко от центра.

Мне приходилось видеть много разрушенных, опустевших или реставрированных синагог, в которых помещаются какие-нибудь советские учреждения, чаще всего спортивные клубы, кинотеатры. Всякий раз их вид невольно заставляет задуматься о трагической судьбе еврейской культуры. И это все рядом с центром, что особенно подчеркивает убогость, заброшенность, упадок... Найдутся ли у местных евреев силы, чтобы спасти свой миньян!

Решаю наугад проверить, как относится к синагоге рядовой житель. Навстречу идет коренастый мужчина с наградными планками, по возрасту ветеран войны. Обращаюсь с просьбой указать мне, приезжему, где находится синагога. Отвечает: «Насколько я знаю, у нас в городе синагоги нет». Я ему в ответ: «Не может быть, ведь в городе евреи живут». — «Да, евреи живут, но синагоги нет, была, конечно, прежде, возможно, есть миньян, но о нем я ничего не знаю».

В свою очередь, он обращается ко мне с просьбой прислать еврейский календарь. «Если дадите адрес, пришлю». — «Пожалуйста, запишите». Разговорились. У него сын в США, но дочь и второй сын в Ленинграде не хотят ехать. Он сам бы поехал, но не решается оставить здесь детей и внуков. «Поживем — увидим», — так заканчивает он рассказ.

Осенью, когда вышел в свет новый календарь, я сдержал свое обещание и прислал ему календарь с просьбой стоимость его отдать в виде цдаки в пользу миньяна. В ответном письме он тепло благодарил меня за посылку и сообщил, что выполнил мою просьбу. В это время я прочитал имевшийся у меня израильский проспект на Международной книжной выставке, который раздавался всем ее посетителям. В нем сообщались сведения о еврейских праздниках и еще кое-какие данные о численности евреев в различных странах и другие «кошерные» сведения. Выслал ему. В ответ получил от него письмо, которое привожу дословно. «...Наша случайная встреча не дает вам права присылать мне подобную литературу. Если я еще раз получу, то передам ее в органы. Забудьте мой адрес». Через год я снова послал ему календарь без всякой приписки, но ответного письма не получил. Каким страхом должен быть пронизан человек, чтобы так перепугаться!

Очень упорно искал я адрес шойхета в районе «оврага». По счастливой случайности нахожу его дом после расспроса многих людей. Встречает меня его жена и подводит к постели тяжелобольного старика с большой окладистой бородой. Глаза — почти безжизненные, тяжелый кашель. С помощью жены приподнялся, немного отдышался. К окружающим никакого интереса, не произносит ни слова. Зато старуха непрерывно говорит. Еще недавно он регулярно ходил в миньян, на нем миньян держался, он был его душой. Она верит, что Бог ему поможет, он поправится, у него все есть, все лекарства, хороший уход. Она дает ему что-то вы-

пить, он как будто засыпает. Прощаюсь, желаю скорого выздоровления. Так мне пришлось в один день видеть в тяжелом состоянии синагогу и ее главу...

С грустью думаю о будущем местной общины. Перспектива у нее далеко не радостная. В тяжелом раздумье иду по городу. В центре города набрел на фотовыставку — аллею Героев Советского Союза — местных жителей. Среди них немало евреев, имена которых мне известны, фотографирую некоторых из них. Вдруг позади меня кто-то спрашивает: «Вы всех подряд фотографируете?» Оглядываюсь — юноша. «Нет, — отвечаю, — не всех, только евреев». — «Почему?» Объясняю.

Завязался разговор. Мы сели на скамейку. Он студент местного института. Сын кадрового военного, внук Героя Советского Союза. Совсем недавно он и его приятели-евреи заинтересовались «еврейским вопросом», который был для них совершенно не интересен еще несколько лет назад. Аллею Героев они называют «аллея Маневича», его фотография есть среди героев. Что-то смутное ему известно о еврействе со слов бабушки. По всему видно, что он полностью ассимилированный. И что-то от еврейства зашевелилось в душе, как говорят, «а пинтеле ид» («а пинтеле ид» (*идиш*), буквально, «точечка еврейства» — сохранившееся в глубине души сознание причастности к еврейству).

В робких вопросах это чувствуется. Все же любопытно знать, кто они такие, эти евреи, ведь о них хотя и пишут много, но и многое умалчивают. Рассказываю о жалкой участи синагоги в этом городе, о погибшей еврейской культуре, о неравной борьбе маленького уникального народа. Беседа затягивается. Он просит разрешения вечером встретиться, познакомиться с приятелями. Их также интересуют и волнуют многие вопросы на эту тему.

Позже встреча состоялась, но была краткой. Мы обменялись рукопожатиями и представились. Встретились случайно в центре на улице и договорились встретиться вечером, но не вышло. Вероятно, страх повлиял, вероятно, его приятели меня испугались. Все же я для них незнакомый, кто его знает? Но неожиданная встреча с молодежью, пусть еще совсем далекой от еврейства, вселила, хотя и слабую, надежду на самоисцеляющие силы, которые таятся внутри евреев.

Дом, в котором собирался один из могилевских миньянов (предположительно, Зелика Зеликова во 2-м Крутом переулке). Фото конца 70-х гг. XX в. из коллекции Шимона Янтовского

Я вспомнил моего друга, уроженца Могилева, отец которого ушел в начале войны на защиту города и погиб. С каким воодушевлением он говорит о проблемах еврейства, с каким упорством изучает иврит и пытается постичь некоторые талмудические истины. И хотя теперь он живет вдали от Могилева, в большом городе, мне казалось, что молодые жители города вместе с ним, как свежая поросль, произрастающая из праха и пепла, возродят разгромленную и поникшую синагогу.

Май, 1981».

ЛЮДИ

ГРАБОВЩИНЕР

Нисанель Вениаминович

(1889—1984)

Последний резник Могилева

«Мой папа, **Нисанель Вениаминович Грабовщинер**, родился 20 августа 1889 г. Бабу Гиту, его маму, я видела только на фотографии, а о его папе **Беньямине**, моем дедушке, слышала только, что он был портным. По рассказам знаю, что жили очень бедно. Когда папа ходил в хедер, мама давала ему копейку, чтобы он купил себе хоть что-то поесть. Так он собирал эти копейки и в пятницу отдавал их маме назад, чтобы она могла отпраздновать «субботу». Он родился в глубоко

религиозной семье, так его и воспитали, и он до конца жизни свято соблюдал все традиции. У нас всегда была отдельная мясная и молочная посуда, кошерность соблюдалась очень строго и во всем, праздновалась суббота, зажигались свечи, кроме, наверное, того времени, когда мы были в эвакуации. Основные культовые обряды и моление папа проводил даже в самое неблагоприятное время и в годы войны. *Талес (талит)* (молитвенная накидка) и *арбэкамфес* (буквально: «четыре угла» — накидка повседневной носки, сейчас называется «малый талит») у него всегда были с собой. Сколько я себя помню, он был отправителем религиозного культа — резником или *шейхетом (шойхетом)*.

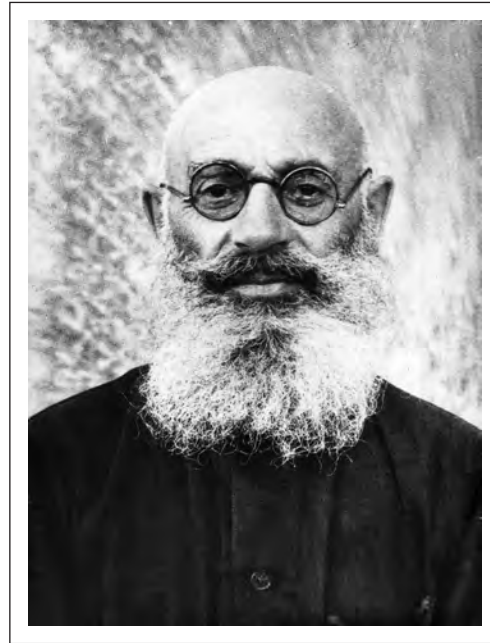
Я родилась в 1933 г. До 1941 г. посещала детский сад, а брат **Нема** и сестра **Хася** — школу. Я, конечно, не все помню из тех лет и охарактеризовать их с политической или религиозной точки зрения мне сейчас невозможно. Эти годы были довольно голодные и тяжелые, семья наша была совсем небогата. И я помню, что мама мне показывала иногда коробочку, в которой лежала какая-то дорогая рюмка, сбережения на черный день. Но, в конце концов, родители отдавали и ее в торгсин, чтобы как-то меня «поднять».

Войну мы провели на Урале, а в конце войны перебрались в украинское село Собатцы Кировоградской области. В 1949 г. нам выслали пропуск и мы засобирались в Могилев (История могилевского еврейства: Документы и люди. Кн. 2. Ч. 2. — Могилев: АмелияПринт, 2009. — С. 134—136).

Все село пришло нас провожать. Я хочу хоть сейчас поблагодарить всех этих людей за их теплоту и внимание к нам. Ведь они прекрасно знали, что мы евреи. Папа там всегда справлял молитву, и они приходили даже на это смотреть. И отношение к нам было самое теплое.

Ждали мы на вокзале поезда. У нас был с собой только один небольшой тюк. На нем сидел папа. Он только успел приподняться, чтобы сказать: «Пошли, пришел наш поезд», как этот тюк стащили. А было там всего ничего: ручка, пенал, мои экономящие тетради и может быть отрез на костюм. Но самое главное — там был мешочек, куда папа складывал свой талес и остальные принадлежности. Папа ужасно расстроился, так, что хотел даже броситься под поезд, и именно из-за священного талеса. А я висела у него на шее и плакала, и кричала: «Папа, мы приедем в Могилев и купим тебе другой талес». Вообще, еле его успокоили.

Когда мы приехали в Могилев и вышли из поезда, родители город не узнали. Кругом были сплошные руины. Мама даже пошла в противоположную сторону. Хорошо, добрые люди подсказали, куда надо идти. И вот мы пришли к нашим родственникам. Позже тетя **Фрида** рассказывала, что когда она увидела моего брата, который первым зашел в дом, то подумала, что это нищий мальчик. Штаны порваны, на ногах деревянные колодки, завязанные проволокой. Такой мы имели вид. Встре-

Нисанель Вениаминович Грабовщинер
(1889—1984), последний резник Могилева.
*Фото из семейного архива дочери,
Гозман М.Н.*

тили нас очень тепло. Мы жили как одна семья, и, хоть у наших родственников **Цивинных** самих было трое детей, все делилось поровну. Я пошла учиться в школу № 2. А это была замечательная школа. Именно ей я обязана своим образованием и за то, кем я стала в жизни. Брат мой поступил в строительный техникум, сестра вернулась из Уфы и пошла работать на завод «Строммашина».

Папа продолжил свою службу. Евреев возвращалось все больше, и, особенно по праздникам, было много работы. Своего жилья у нас не было, и мы снимали небольшой закуток у еврейской семьи по Виленской улице. А позже была своя комната в Клубном овраге в деревянном доме с одним окном, которое буквально лежало на земле. Было очень тесно. У нас была только одна кровать, на кушетке спала сестра, а мне сделали что-то типа гамака-раскладушки на деревянных подпорках из парусины. Даже входную дверь приходилось немного приоткрывать, чтобы эта раскладушка как-то вместились. Но мои подруги — и еврейки, и русские девочки — очень любили приходить к нам в гости. Мои родители, несмотря на нищету, всегда были очень гостеприимными. Девочки любили даже оставаться у нас на ночь и просили: «Тетя Алточка, можно мы у вас на полу поспим?» Что-то стелилось на пол, и все вместе умудрялись разместиться. Иногда у нас оставались корочки хлеба, и мама их засушивала. И даже сейчас мои подруги вспоминают, что ничего не было вкусней этих хрустящих корочек.

Папа, несмотря на свою религиозность, прекрасно ориентировался в светской жизни и политике, выписывал и читал «Правду», «Известия», журнал «Советиш геймланд» на идиш. И впервые роман А. Рыбакова «Тяжелый песок» мама прочла нам на идиш. Родители были очень щедрыми и отзывчивыми людьми, и почти каждую пятницу после миньяна (минина) в дом на ужин папа приводил человека, который был еще беднее нас. Он всегда, идя на молитву, говорил: «Алта, дай *миди*» (т. е. что-нибудь с собой). Он ходил к более зажиточным еврейским семьям и собирал, кто сколько давал, и потом раздавал нуждающимся. Регулярно папа ходил на миньян. Они снимали дом где-то в районе Дубровенки. Пятница была священным днем. Дом мылся и убирался, готовился более-менее праздничный обед. Папа брал все обрядовые атрибуты и талес, а носовой платочек привязывался к кисти руки. Я спрашивала: «Зачем ты это делаешь?» А он отвечал, что в субботу даже в карман за платком лезть нельзя. Ходил он пешком по Клубному оврагу вниз дальше куда-то по Дубровенке. Возвращаясь, говорил: «Гут *Шабес!*» (Шаббат (*иврит*), Шабес (*идиш*) — суббота) Свечи уже горели. А мама, между прочим, зажигая свечи, тоже становилась лицом на восток, читала молитву. Тогда мы садились вместе кушать. Праздники тоже все отмечались, и с большим торжеством. Особенно хорошо я помню Песах. Наводился идеальный порядок, *хамец* (мучные хлебные остатки) убирался из дома весь, раздавался, куда-то уносился. Папа ставил даже вино из изюма, была маца. Папа всегда контролировал «подряд», который делал мацу в Могилеве: чтобы соблюдали все правила кошерности и чтобы хамеца никакого не было. И всю неделю, весь праздник в доме была только маца. И как сейчас помню, один раз 1 Мая совпало с Песахом, и когда все подружки пришли за мной, то мама поила их кофе с крошеной мацей. Обязательно праздновали *Суккот* (осенний праздник шалашей, один из основных праздников еврейского народа в память о скитаниях евреев по пустыне). Через некоторое время в Клубном овраге поселилась еще одна еврейская семья Лишанских. У них был кроме основного маленький домик, и папа смог купить его. Так у нас впервые появилось свое жилье. Я в то время уже вышла замуж и жила рядом в однокомнатной квартире. И вот во двор

этого домика перед праздником Суккот приходили мой муж и муж сестры и строили папе *сукку* (шалаш). Мама делала праздничный стол. А мама моя готовила бесподобно. Так, как она делала фаршированную рыбу, так не мог, по-моему, никто. И вот к папе приходили *хавеирум* — его друзья, с которыми они справляли молитву, и в сукке они молились, ели, делали все, что положено согласно традиции. Праздновалась и *Рош-ха-шана* (еврейский Новый год). Опять-таки готовились все традиционные блюда и соблюдались все традиции. Папа очень хотел научить меня древнееврейскому языку. И сейчас я, конечно, очень сожалею, что так и не научилась. Сами понимаете, была я тогда еще ребенком и всего не понимала. Учил он меня по Библии. Алфавит я выучила, кое-что даже могу прочесть и помню молитву, которую он мне говорил: «Барух ата аданой...» Ну а идиш я знала гораздо лучше, все понимала.

В шестом классе я вступила в комсомол, сестра тоже была комсомолкой, и папа не вмешивался в нашу мирскую жизнь. Но вы представляете, чего стоило мне с моей биографией вступать в комсомол, стоять перед комиссией и отвечать на вопросы.

Самая тяжелая история случилась в 1950 г. Папа вечером сидел и читал «Графа Монте-Кристо». Это было еще в той маленькой комнатке в Клубном овраге. Я лежала, немного приболела, мама все говорила отцу: «Ну что ты сидишь, ложись спать, успеешь и завтра почитать». Но он спать лег очень поздно. Рано утром раздался стук в дверь, вошли двое военных и стали делать у нас обыск. А что там искать — кругом пусто, шаром покати. Один из пришедших говорит мне: «Вставай». У меня от страха хлынула из носа кровь. А второй сказал, что, ладно, пусть лежит, тут кроме клопов

Нисанель Грабовщинер с внуком во дворе своего дома.
Фото из семейного архива дочери, Гозман М.Н.

Нисанель Грабовщинер с женой Алтой.
 Фото из семейного архива дочери, Гозман М.Н.

ничего нет. Они перевернули несколько ящиков, ничего не нашли и забрали папу. Сестру сразу уволили с работы, а через несколько дней забрали и маму. Так мы остались без средств к существованию. Я тогда училась в восьмом классе. Маму вскоре выпустили, папу увезли в Минск. Кроме него арестовали еще несколько человек из тех, кто ходил на моление вместе с папой. Что им конкретно вменяли в вину, я не помню точно, но, скорее всего, что-то связанное с сионизмом, с Бундом и

Все годы, что он прожил в заключении, мы отправляли ему посылки, которые давались нам с большим трудом. Надо было много денег, да и чисто психологически было очень тяжело. Когда мама собирала посылку, у нее тряслись руки. Сначала связи с папой вообще не было. Но однажды пришел какой-то мужчина и передал от папы записку. Позже, когда ему скостили срок до 10 лет, мы стали получать от него письма по почте, но очень редко. Он был уже в возрасте, и ему можно было не ходить на работы, но он

всегда работал вместе со всеми, старался не падать духом и других поддерживал. Кстати, по его воспоминаниям, он сидел вместе с редактором журнала «Советиш геймланд». По-моему, фамилия у него была **Виргилис**.

Вернулся папа в 1954 г. Судимость с него так и не сняли до сих пор. Он по возвращении продолжал свою деятельность шейхета. Работал уже во дворе своего дома в Клубном овраге в маленьком сарае. Когда он был свободен от своих непосредственных обязанностей, то без дела не сидел:

Дом в Клубном овраге, где жил **Н.В. Грабовщинер**. Был снесен в начале XXI в.

читал газеты или свои молитвенные книги. Иногда, кстати, папу вызывали в компетентные органы по поводу его деятельности.

Тем временем я окончила школу почти на отлично, и мы с подругами поступили в пединститут, где вскоре меня выбрали, как и в школе, в комитет комсомола института. И это несмотря на папу. В группе, кстати, никто никогда мне ничего не говорил об этом. Но уже после возвращения папы меня однажды вызвал ректор пединститута, и, как сейчас помню, там был и преподаватель **Столяр**, и другие. И ректор начал говорить им, что, вы знаете, кто отец этой студентки, кого мы приняли в институт и прочее в таком духе. Я была очень расстроена и даже толком не воспринимала, что мне говорили. Думала, меня исключат. Но, к счастью, последствий этого разговора не было.

А папа был в Могилеве кем-то типа раввина или, может быть, как староста общины. Он был в центре всей оставшейся религиозной жизни. К нему прислушивались. Он был исключительно знающий и грамотный в этом деле человек. Но верующих евреев становилось все меньше. И иногда по возвращении с миньяна мы спрашивали его, почему он так быстро вернулся. Папа отвечал, что не было моления. «Фор вос?» (Почему?) — «Один заболел, не пришел».

Были случаи, когда власти запрещали моления. Приходили в дом и приказывали разойтись. Тогда искали другое место, но моления продолжались. Были у папы и другие функции. Так, если заболел ребенок, его звали прочитать молитву или дать другое имя. Вот, например, мою маму на самом деле звали Хая, но папа всегда называл ее Алте или Алта (от «старый» на идиш). Это имя давали больным детям, чтобы как-то отвести болезнь. Маме дали это второе имя, когда ей было 10 лет. Потом папу звали всегда говорить *кадиш* (поминальную молитву) при покойнике. Приглашали его и на кладбище через год, когда надо было сделать молитву по умершим. Папа умер в 1984 г., тогда мы сами ездили в Минскую синагогу и приглашали раввина оттуда. Вообще, каких-либо связей у папы с минской синагогой, по-моему, не было. Мама же пережила папу только на 8 месяцев. Когда папы не стало, мама не хотела есть *трефное* (некошерное). Я иногда ездила в Минск. Шла на рынок, покупала курицу и шла к минскому

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ЦИВИНА Моисея Лазаревича (р. 1926)

«Мужем маминой двоюродной сестры по линии отца, Алты Израильской, был могилевский резник (шойхет) Нисанель Грабовцинер. Его знали многие евреи города. Это был очень умный религиозный человек, еврейский философ. В 1949 г. по обвинению в «организации коллективного слушания радиопередач из Израиля», с которым СССР тогда резко ухудшил отношения, он был осужден на 25 лет лишения свободы. Три года отсидел в тюрьме Минска, а затем был сослан на Крайний Север. Освобожден и реабилитирован после смерти Сталина. Бывая в Могилеве, я никогда не упускал случая, чтобы побывать у родственников. Однажды на мой вопрос «Как жизнь?» дядя Сана ответил притчей: «Пришел на базар покупатель и просит продать ему десять самых лучших яблок. Продавец удовлетворил его просьбу. Пришел второй и также обратился с такой же просьбой. И так до тех пор, пока корзина не опустела». Дядя Сана и тетя Алта были долгожителями. Тетя мне говорила, что, вероятно, Бог им дал долгую жизнь потому, что они постоянно делали людям добро. И это действительно так. Они умерли почти одновременно, прожив по 95 лет».

резнику на улицу Кропоткина, и все делали как положено. Но мама беспокоилась и спрашивала: «А вы у шейки там жилку вынули?» Мы отвечали, что вынули. «А водой после соления курицу обдали?». Мы говорили: «Не бойся, мама, кушай. Все сделали как надо». Насколько я помню, кому-то другому передать свои функции и знания папа и не пытался. Наверное, он понял, что сейчас другая жизнь, и не пытался ее переломать. Даже детей не старался воспитать в религиозном духе.

У сестры было два сына, у нас тоже. Он очень переживал, что обошлось без «обрезания», но относился к этому реально. Очень любил внуков. Но если на них очень злился, то иногда называл их «гоим». А сейчас мы и не в состоянии выполнять все традиции. Да и воспитаны при советской власти пионерами и комсомольцами. Единственное, сейчас на Пасху мы не едим хлеба, а только мацу. И так было все эти годы.

Я сорок лет проработала учителем физики в школе. Последнее время — в школе № 27. Вот такая моя жизнь. Конечно, жить в такой атмосфере было не просто. Я очень любила отца и никогда от него не отрекалась, не стеснялась его и не скрывала от окружающих, кто он. Но было очень тяжело, и не только мне. Например, брат работал в «Военпроекте», и там тоже все знали его «подноготную». Муж знал, что со мной и моей семьей жизнь у него будет непростая, но от меня не отказался» (из воспоминаний **Гозман Миры Нисанелевны** (р. 1933)).

ЛЮДИ

КАБИЩЕР**Мендел Моисеевич (Мовшевич)**
(1880—1966)

«Моего отца звали **Мендел Кабищер**. Родом он из знаменитого местечка Ляды Могилевской губернии. Отец 12 лет служил в Николаевской армии при лошадях. Ему там было неплохо. Его работой был уход за лошадьми и выезд. Рассказывал, что приезжал туда часто царь со свитой и любил с ним разговаривать. Он спрашивал: «Мишка, выезд готов?» Отец по всей форме отвечал, что все готово. В субботу петербургские евреи приносили ему фаршированную рыбу, курицу, а на Пасху — мацу и все, что положено. А пошел папа в армию несовершеннолетним за своего старшего брата **Алтера**. Алтер жил в Лядах. Он имел два дома, был уже женат, у него было трое детей и слабое здоровье.

Через 12 лет отец вернулся в Ляды. Стал маклером на базаре. Торговал скотом. Кто-то ему посватал маму. Мамина семья до революции жила в 70 километрах от Орши в Дубровенском районе. Еще при Екатерине Второй прадеды наши купили там хутор. Он стоял на знаменитом екатеринин-

ском шляхе, рядом с деревней Слобода. Мама **Хана** осталась одна. Родители и все родственники у нее умерли. Мама сама управлялась и со скотиной, и с лошадьми, и с четырьмя десятинами земли, все сельскохозяйственные работы делать умела. Хутор был ухоженный, хороший. Я родилась в местечке Слобода (при Советской власти она стала называться Красная Слобода) Дубровенского уезда 15 сентября 1915 г. У нас была большая семья. Все работали на поле.

Уже после революции наш сосед **Федор Собченко** говорил отцу: «Почему, Мишка, твой хутор родит и жито хорошее, и овес хороший, и все, что надо, а мой хутор ничего не дает? Приходится покупать у людей». Отец отвечал, что надо работать, надо навоз класть, надо поднять землю глубоко плугом, как положено. Поработать надо. «Ай! — говорит Федор. — Мы работали, да ничего не получается». 9 мая 1922 г., на Николу, по-старому, белогвардеец по заданию школьной учительницы и соседа Федора бросил нам в окно английский осколочный разрывной снаряд. Погибли мои братья Миша и Илья, ранили отца и мать, мне немножко ногу поранило. Снаряд вырвал кусок пола и ушел под землю. У папы было 28 осколков в ногах. Мимо ехали цыгане. Они увидели, что случилось, сразу разослали гонцов в Смоленск,

Давид Зеликов с дедом Зеликом Зеликовым.
Фото из семейного архива Зеликова З.Д.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ**ЗЕЛИКОВА****Давида Абрамовича**
(р. 1925)

*«Отец отца, т. е. мой дед, был сапожником, у него в Могилеве было несколько мастерских, и его как специалиста хорошо знали в городе. Звали его **Зелик Зеликов** и прожил он долгую жизнь — 104 года. Умер сравнительно недавно. У него был свой дом на 2-м Крутом переулке. Дом возвышался над крутым обрывом к реке Дубровенке и был хорошо известен среди евреев Могилева, так как до 60-х гг. здесь проводились моления верующих. Какие-то деньги на содержание дома выделяли и те, кто приходил молиться. Но со временем таких становилось все меньше и меньше. Власти наверняка знали о существовании этого молеального*

дома, но никаких препятствий не чинили. До последних дней дед выписывал еврейскую литературу из Москвы, читал сам и даже кое-что рассказывал мне. Дом сгорел, а дед переселился к одному из своих сыновей, где и умер. Кстати, семья у деда была вообще колоссальная: всего восемнадцать детей. От одной жены шесть, от второй — шесть. И у второй шесть было своих. Конечно, прокормить столько было очень сложно, но выручала сапожная специальность, так что они кое-как сводили концы с концами».

в Оршу, в Дубровно ко всем родственникам. К утру было столько подвод! Родителей увезли в больницу, братьев похоронили родственники из Дубровно. Федора, учительницу и белогвардейца забрала «чрезвычайка». Их расстреляли.

Через некоторое время, когда я уже была дома, а родители еще были в больнице, стали рыть соседский хутор, а там клочка земли свободной нет. Велосипеды, швейные машины, мотоциклы, чемоданы, дорогие шубы, золото, всякие запакованные вещи были закопаны по всему хутору. Чего только там не было! «Вось чаго ничога не расце», — сказали мужики из деревни.

Меня забрали тетя и бабушка в Ляды. Я убежала оттуда на кладбище к братикам.

Это были голодные годы. Советская власть только устанавливалась. Возникали первые колхозы. Отец уже был коммунистом, и его поставили председателем сельскохозяйственного кредитного товарищества. Установили такой продналог государству, что всю деревню пришлось бы на клочья разорвать: бедные были все. Отец побыл год и отказался от всего. Стал думать, куда уехать. Хутор свой оставлять было жалко. Нищая деревня тащила с хутора все, что можно было взять, как теперь с дач тащут. До 1930 г. отец ездил на свой хутор. Сеял все: и картошку, и бобовые, и зерновые — и

привозил домой. В Орше купил два маленьких домика и земли немного, но там ничего не росло. Лошадей отец не продал. Кому привезет дров, кому какую мебель, подвезет кого-нибудь. Так и жили. Потом помогли родственники и отец купил около базара большой двухэтажный дом. В 1924 г. папа пустил в дом жить двух мужчин, евреев. Они были «конфетниками»: один делал карамель, а другой продавал. Было время нэпа. Они взяли патент, привозили сахар, оборудование, подвал починили и начали производство. Наняли двух женщин, которые заворачивали конфеты в бумажки. Такое производство организовалось в нашем доме.

Потом на станции Осиновка (это первая станция рядом с Оршей), где райисполком организовал несколько баз, он устроился заведующим базой «Заготлен». Там хранились все сельскохозяйственные продукты. На базе отец проработал до самой войны. Лен отправляли в Германию. В 1938 г. из Германии прибыло письмо с указанием наградить **Кабичера Михаила Моисеевича** за хорошее качество льна, присланного в Германию. Москва прислала указание в Минск, Минск — в Оршу. Папа говорит: «Я не поеду в Москву. Там стало уже не так, как надо. С моей мордой в Москве делать нечего». А в райисполкоме сказал: «Я больной, у меня раненые ноги, можете проверить. Если

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

БЕЛОУСОВОЙ Брониславы Файвовны (р. 1947)

*«Саул Вульфович Альтишулер родился в 1898 г. в Княжицах. Он был двоюродным братом моей мамы Розы Давыдовны Ципоркиной. Я совсем ничего не знаю о его довоенной жизни, о его родителях, не знаю, какое образование он получил. Он много раз был женат. У него был сын Борис от первого брака (тогда они жили где-то под Ленинградом), его уже тоже нет в живых. Первая жена у него была русская. Последней его официальной женой была **Рая (Рахиль Герцовна) Любизер**. С ней он расхотелся, потом снова сходилась. У него была родная сестра Рохя и брат, который был женат на родной сестре нашего отца Фане. Еще была двоюродная сестра **Таня Альтишулер**. Она во время войны воевала в партизанском отряде **Сергея Пушилина**. Вышла за него замуж, и у них было двое детей.*

В его судьбе была и тюрьма, но что и как — я не знаю. После войны он работал в магазине хозяйственных товаров на Быховском базаре. Жил в своем доме с садом на Пролетарской улице, что за вокзалом возле колонии. Мне было тогда лет десять, и мы ходили к нему в гости. Потом он этот дом продал, некоторое время и у нас жил. Когда снова сошелся с Раяй, они купили часть дома на Дубровенке. Здесь во дворе Саул построил небольшой сруб, где и собирались евреи в 60 — 70-х гг. Но он не был лидером этого миньяна. Я вообще не знаю, насколько он был религиозен. Когда он умер, в 1975 г., хоронили его не по еврейскому обычаю.

*Но уже и после его смерти здесь собирались евреи. Приходило обычно человек 10—12, все пожилые, с палочками, часто не очень опрятные. Помню только отца **Наума Иоффе** и еще такого высокого человека, который жил тоже на Дубровенке возле Быховского базара. Его сын работал бухгалтером на заводе им. Кирова. Сейчас из них уже никого нет в живых. И после 1982 г., когда я стала хозяйкой дома, старики приходили еще года два. Они собирались прямо у нас, в одной из комнат. Папа мой тоже иногда к ним присоединялся. Он немного умел читать на иврите и даже подшучивал над стариками, что они книги вверх тормашками держат.*

*После миньяна в доме осталось много старых религиозных книг, которые хранились здесь несколько десятилетий. В 90-е гг. мой брат **Калман Цейтин** отвез их в Москву и передал в библиотеку синагоги в Марьиной Роце».*

Мендел Моисеевич Кабищер
(1880—1966).

*Фото из семейного архива дочери,
Кабищер Н.М.*

хотите наградить, то привозите сюда. В Дубровно в райисполком я приеду, тут и вручайте». Они так и сделали. Папе представители из Москвы и из Минска вручили в Дубровно орден Ленина. Я положила орден вместе с папой в могилу.

Во время и после войны отец жил в Куйбышеве. Он написал мне в 1945 г., что они очень болеют

малярией, просил забрать их оттуда. Родители ехали месяц в товарном вагоне. Мой знакомый **Городецкий** ездил в Куйбышев, где был эвакуированный могилевский кожзавод. Он согласился за небольшие деньги привезти родителей. Послала папе и маме вызов. Приехали чуть живые. Я всю одежду их сожгла, лечила их долго.

Когда отец пришел в себя, он стал делать чуни — обувь такая резиновая. Какой-то парень Федя из воинской части приносил папе автомобильные камеры, покрывки, кто-то ему приносил клей, сделали колодки. Приходили женщины, брали по несколько пар чуней и продавали их на Быховском рынке, потом деньги приносили.

Помню, как ставили памятник погибшим во время войны на еврейском кладбище. Отец посмотрел еврейские памятники на Мышаковке. Там было просто страшно. Жил рядом с кладбищем старый еврей **Башаримов** с женой. Отец пришел к нему, рассказал все про себя, сказал, что плохо знает Могилев. Отец предложил вместе восстанавливать кладбище, предложил деньги. Они начали работать вдвоем, потом примкнули еще евреи. Огородили все кладбище. Собирали деньги, отец дал тоже много денег. Кто-то папе сказал, что на месте завода «Строммашина» и в Польшковичах похоронено много расстрелянных евреев. Папа ездил туда, они раскапывали ямы, много было черепов, пробитых пульей на затылке. А может, где-то и наши стреляли, трудно сейчас сказать. Папа собрал евреев. Они посоветовались и решили выкопать останки и перезахоронить на кладбище. Там и сейчас стоит высокий памятник.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

КОТЛЯРОВОЙ Нины Наумовны (р. 1923)

*«Отец, **Наум Дахин** (директор посудохозяйственного магазина), и мать, **Фрида Исаковна Дахина**, были очень религиозными людьми. Но их религиозная жизнь проходила как бы в отдалении от меня. Родители не очень-то стремились «впускать» туда детей. Знаю только, что у папы были талес, твилы и каждую пятницу вечером он ходил молиться, но я даже не могу сказать куда. Мама на шабат и в праздники зажигала свечи, готовила праздничные обеды. У нас на Пасху всегда была маца, а перед Пасхой, я помню, до блеска начищался самовар. Родители старались придерживаться кошерной пищи.*

После войны в нашем доме находило приют много обездоленных евреев. Мама их всех кормила и отдавала все, что у нее было из одежды. Бывало даже так, что я приезжала на побывку из Ленинграда и не находила что-то из своих одежек. Мама мне говорила: «У тебя все впереди. У тебя все еще будет! А этим людям сейчас очень трудно, и, еще неизвестно, будет ли что-либо у них впереди».

*Когда мы жили на Первомайской в «доме Ленина» на третьем этаже, к нам на квартиру регулярно приходили на моления старые евреи. И это продолжалось много лет. Уже после моего возвращения из Гродно миньян на квартире родителей продолжал функционировать. Как-то меня вызвала к себе такая секретарь горкома **Барабашикина** и сказала: «Нина Наумовна! Вы скажите, пожалуйста, своему отцу, чтобы у него дома не молились. Это может повлиять на вашу работу...»*

*Я, конечно, отцу это передала, но почти до его смерти в 1966 г. евреи продолжали собираться на его квартире. Я там бывала нечасто и, к сожалению, не знаю тех людей, которые ходили на моления. Запомнилась лишь одна фамилия — **Каплун**».*

У меня была ручная подольская швейная машина. Мне принесли белую бязь, и я шила на машине мешки для костей, стягивающиеся сверху резинкой. Что-то на мешках по-еврейски писали. Выкопали погибших в Польшковичах, на «Стром-машине», еще в каком-то месте. Все, что нашли, в мешки складывали. Ложку нашли, волосы там лежали, что-то еще, даже топорик нашли у какой-то погибшей женщины. Всех собрали, похоронили, закопали. Из тех, кто занимался перезахоронением и установкой памятника, помню не всех, это — **Исаак Певзнер**, **Альтшулер**, **Лаевский**, партизаны **Гирш Лифшиц** и его брат.

Рядом с домом на Ленинской, где мы поселились, на развалинах отец сделал пристройку — одну комнату. Потом отец собирал в этом доме миньян. Папа не читал по-еврейски, молитвы помнил на память. Отец говорил, что евреи не должны быть без мацы, и каждый год перед Пасхой занимались ее выпечкой. Шесть женщин месили и раскатывали тесто. Я помню фамилию только одной женщины — **Маша Клемберг**, парикмахер. Она уже умерла. Женщины были в белых передниках, в колпаках. У нас была хорошая большая печка. Пек **Гуревич**, у которого была жена **Хая Ратина**, они жили в доме № 19 (их сын сейчас в Израиле). Потом **Зелик Зеликов** сделал машину для изготовления мацы, но многие евреи предпочитали мацу, сделанную вручную. На машине маца получалась толстой.

Как-то прислали нового участкового из школы милиции. Он пришел к нам: «Дед, чего ты открыл пекарню? Надо взять патент, надо платить! Может, вы кухни печете». Отец говорит: «Это не пекарня. Мы печем только месяц в году для евреев Могилева». «Собирайся, — говорит милиционер, — пойдем в милицию». Женщины испугались, а мама говорит, что начальник милиции **Сыромолотов** — умный человек, он разберется. Отец завернул в белоснежную скатерть

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

СТРЕЛЬЦОВОЙ Иды Исааковны

*«Знаю, что многие могилевские старики-евреи ходили в подпольный молельный дом на Струшине. Хозяином его был **Лаевский**. Звали его, по-моему, **Вейнос**. Когда я его знала, он был уже стариком. Дети его — сын и дочь **Соня** — тоже были очень религиозными людьми. Я дружила с Соней, и она мне сама рассказывала о молениях. Насколько я знаю, сам Лаевский участвовал в сборе средств и установке памятника погибшим во время войны на еврейском кладбище».*

три или четыре круга мацы и пошел с участковым. Я знала Сыромолотова по работе очень хорошо. У нас все время были какие-то недостатки, и все было связано с милицией. Заходит отец с милиционером к начальнику. Тот спрашивает: «С чем пришел, старик?» «Да я не сам пришел, вот он меня привел, — отвечает отец и на участкового показывает. — Я пеку мацу, если Вы знаете, евреи едят на Пасху только мацу. Я сам тоже верующий. Пеку мацу себе и всем добрым людям». «Дай-ка мне попробовать, — попросил Сыромолотов. — О, хорошая маца, вкусная, только из печки. Я жил среди евреев и люблю мацу. Оставь мне. Я ее дома с молоком поем. Когда начнется Пасха, принеси мне галушки, или кнейдлах, по-вашему, можно и с бульоном, я люблю куриный бульон. Когда будет фаршированная рыба, налейте немножко хрена и принесите». Папа сказал, что все будет сделано. Он аккуратно переложил мацу со скатерти в белую бумагу: «Ешьте на здоровье!» — «Ваша национальность должна кушать мацу и справлять Пасху, пеките мацу!» Участковый был из Сибири, ничего этого не знал и не понимал, что происходит.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ГОЛЫНСКОЙ Людмилы Ефимовны (р. 1930)

*«В доме, где был рыбный магазин, напротив «Чырвонай Зоркі», жила семья **Задова**. Главный бухгалтер «Техноприбора» **Леня Лapidус** был женат на их дочке **Броне**. У себя дома они пекли мацу. Потом согласно очереди ее раздавали людям. Мама моя была человеком верующим, и ее очень уважали. Ей пекли мацу первой. Мама старалась соблюдать Кашрут, никогда не смешивала молочное с мясным. Постилась на Йом-Кипур и нас приучала. Но все это делалось тайно. Я тоже скрывала от всех, что не ем. Мама хорошо знала идиш. Читала по книжке молитвы на иврите, по субботам зажигала свечи.*

*Позже, когда **Задов** уже умер, на саночках возили муку **Рыжову**, который пек мацу.*

*На Быховском базаре еще 15—20 лет назад у еврея **Израэля Ротенфельда** можно было купить кошерную курицу. Он специально их к Пасхе выращивал. Из Бобруйска или Минска приезжал резник со специальными воронками для стока крови. Часто резать кур в Бобруйск ездил на автобусе **Абрам Иоффе**. Я сама ему отвозила кур для мамы. Сначала он по две брал, а потом только по одной: он уже старый был и непросто ему давались такие путешествия. Был еще резником **Грабовцинер**. Он уже больше 20 лет как умер».*

Родители были очень религиозными людьми. Ели только кошерное. Каждую субботу отец ходил на миньян молиться в дом, где теперь стадион «Спартак», потом в дом к женщинам **Басе** и **Рохе**. С 1963 г. миньян стал собираться у нас дома на улице Космонавтов, в доме № 16, где мы жили. Приходили старые евреи: **Лаевский, Ручайский, Горелик, Зевин, Хавкин, Фрайман, Затман, Орман** и другие. Они все похоронены рядом, там, где и папа похоронен. Все рядом на кладбище.

Когда папа оформлял пенсию по инвалидности, девушка в собесе предложила ему зарегистрировать брак с мамой в ЗАГСе, чтобы они могли выплачивать маме небольшое пособие по уходу. Папа категорически отказался: «Не пойду я к Маланье регистрироваться из-за этих копеек».

Мама умерла в 1960 г. Хоронили ее на двух досках, еще две доски сверху.

Отец умер в 1966 г. У него началась гангрена левой ноги. Я просила: «Папа, давай отрежем ногу до колена. Ты еще будешь ходить, жить». Он не соглашался, говорил, что это ему суждено от Бога и надо это принять. Отцу было уже больше 90 лет. Просил перед смертью, чтобы, когда старики кончат молиться, я купила один-два больших пряника, лимонада или яблочного напитка, чтобы старики могли помянуть его. Не знаю, почему он так сказал, евреи же столов на поминки не делают, и маме не делали. Женщин и мужчин рядом не хоронили. Когда умер отец, у меня в квартире месяц старики молились. Каждый день приходило по 10 человек» (из воспоминаний **Кабиссер Нины Михайловны** (1915—2006)).

Старый купеческий дом на ул. Садовой.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

СИМАНОВСКОЙ (Голод) Раисы Львовны (р. 1929)

«Мой отец, **Лейба Янкелевич Голод**, родом из Щедрина под Бобруйском, из семьи лесопромышленников, очень состоятельных людей. Учился он до революции на кантора в какой-то еврейской школе в Бобруйске, очень хорошо знал иврит, умел читать и писать, знал еврейскую историю и традиции. Отец всегда был религиозным человеком, соблюдал все обычаи и традиции евреев и до, и после войны.

Вернулся он из армии в 1946 г. Снова пошел столяром на труболитейный завод. В годы войны он чудом остался жив во время службы в трудармии. Погибало там не намного меньше, чем на фронте. Умирили от голода и холода, от непосильного труда. Возвратился он очень больной. Конечно, о соблюдении традиций в годы войны речи не шло, но когда жизнь немножко наладилась, стал строго соблюдать субботу и кошер, молился. Он съездил в Москву, оттуда привез молитвенники на иврите, которые у нас хранятся до сих пор. Синагог в городе не было, и такие, как он, стали собираться на молебны — *миньны* (*миньяны*) в частных домах. Так, на улице Езерской жил бывший извозчик **Качурин**, у которого эти сборы происходили чаще всего. Но милиция их гоняла, и старики эти переходили из одного дома в другой, собирались то на Дебре, то на Дубровенке, то на Плеханова. Несколько раз были у нас дома. Вначале не было даже молитвенников, так что приходилось молиться по памяти.

Потом каждый где-то что-то приобрел. Не было *талесов* (талес, или талит, — молитвенное покрывало) и *твилов* (твилы, или тфилы, — искаженное от «тфиллинь» — кожаные черные коробочки с ремешками, содержащие написанные на пергаменте отрывки из Торы, которые мужчины укрепляют при молитве на левой руке и на лбу) тоже. Когда появился один талес (его прислали из США), папа принес и показал мне. Я посмотрела и сказала, что смогу такой шить сама. Пошла в магазин, купила два метра шерстяной ткани, черную ленту. На месте шеи делалась выемка. По краям нашивались две полосы лент, делались отверстия и туда протягивались шерстяные нитки для создания бахромы, которая называется «*цицес*». Получился вполне

приличный талес. Когда друзья отца увидели его, то попросили меня сшить и им. Так я сделала еще несколько штук.

Могу перечислить стариков, которые, как я помню, участвовали в минине: **Качурин, Фарберов, Дурмашкин, Млотин, Кац, Альтшулер, Сименгор**. Каждую пятницу папа собирал свои вещи в специальный бархатный мешочек, брал молитвенник и уходил. Наша знакомая, доктор **Рубинштейн**, когда он проходил мимо ее дома, звонила и говорила: «Рая! Привет тебе от папы. Он пошел на политзанятия!» Кстати, потом у них появилась и Тора, которую они хранили по очереди дома. Так что у нас она тоже часто «гостила».

Как я уже рассказывала, папа в детстве учился на кантора, голос у него был замечательный. Старики мне часто говорили: «Приходите, послушайте, как ваш папа молится». Теперь я жалею, что так и не сходила. Честно говоря, просто страшно было, ведь их милиция гоняла. Старикам было не так страшно, а для молодых это могло закончиться плачевно.

Иногда, если папа себя чувствовал не очень хорошо, он в пятницу не ходил на минин или шел в пятницу, а в субботу с утра оставался дома. Надевал талес, кипу, твилы и молился.

Что они еще делали «ин минин»? Собирали деньги и вещи для нуждающихся. Помню, отец принес домой ботинки и я спросила, для кого это. Папа сказал: «А вот Хаим ходит босой». Этот Хаим с матерью и братом жили в доме 90 на Первомайской. Он был «не в себе», но совершенно безбидный. Постоянно ходил по улицам, так что его многие знали — был своеобразной достопримечательностью города.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

СИМАНОВСКОГО Наума Семеновича
(р. 1928)

*«Большое влияние на меня оказал отец моей жены **Лейба Янкелевич Голод**, который всегда свято соблюдал еврейские традиции. Я сам был членом партии. На моления никогда не ходил, но иногда он спрашивал меня, можно ли, например, завтра собрать миньян у нас дома. Это происходило обычно, когда их в очередной раз милиция выгоняла из какого либо молельного дома. Так что редко, но я был свидетелем молений. Исподволь что-то западало в душу».*

Лейба Янкелевич Голод (1895—1975) с женой.
Фото из семейного архива дочери, Симановской Р.Л.

мечательностью города. Еще где-то на Дубровенке жила женщина, у которой муж умер от туберкулеза, а у нее было двое или трое детей, ей деньги тоже носили регулярно. Вообще, по мере возможности занимались благотворительной деятельностью. Такая своеобразная касса взаимопомощи. Еще старики «ин минин» всегда по просьбе родственников читали *кадиш* по умершим. Ко мне уже позже тоже иногда обращались даже нерелигиозные люди с вопросом, знаю я ли кого-нибудь, кто может почитать такую молитву. Но в Могилеве таких уже не было, были в Минске или в Ленинграде.

Когда умерла мама, в 1971 г., то ее хоронили в гробу, но сшили саван *тахрихим*. Его нельзя шить родственникам, и на машине тоже нельзя шить. На ул. Плеханова жила женщина **Хейба** или **Тайба**, фамилию не знаю, которая умела это делать. Ее позвали, и она все сшила как надо. Пришли на похороны старики-евреи, зажигали свечи. На кладбище десять человек молились, ходили вокруг могилы. Папа был *шиве* (семь дней траура), т. е. не садился со всеми за стол. Надорвали ему лацкан пиджака — у евреев это называется «*нерайс крес*». Две недели он не брился, и каждый день в течение года читал кадиш — поминальную молитву. Так что можно сказать, что маму хоронили в большой степени по еврейским обычаям.

Когда умер отец, в 1975 г., тоже старались все сделать как положено, насколько было возможно в то время по еврейским традициям. Пришли старики и, когда не хватило до минина, попросили присоединиться молодых. Ведь мальчик после 13 лет может уже участвовать в молитве. Сшили тахрихим, положили в гроб твилы, молитвенники и талес. Гроб привезли обитый какой-то яркой тканью, но цвет материи должен соответствовать вечной еврейской скорби, так что муж и двоюродный брат обили гроб своей черной тканью.

Что еще запомнилось из этого периода жизни? Часто обращались к резнику, который мог согласно традиции забить животное, чтобы оно было кошерное. Его называли «Сане дер шейхет». Это был очень уважаемый мудрый человек, который жил недалеко от Дубровенки. Когда он умер, на его могиле был установлен не памятник, а камень, как положено у евреев. Могила эта находится рядом с обелиском евреям, погибшим в годы войны.

Этот обелиск был установлен без участия местных властей в конце 50-х гг. Инициатором этого являлись как раз те самые старики, которые участвовали в молениях: **Лаевский, Альтшулер, Качурин** и другие. Собирали деньги среди евреев, кто сколько мог дать. Кто был состоятельней, давал больше, кто беднее — меньше. Но каждый считал своим долгом что-то дать на святое дело. Давали все, даже те, кто сам не молился, в Бога не верил. Когда денег было собрано достаточно, купили белой материи, из которой шили мешки, выкопали большую могилу на еврейском кладбище, и Качурин перевозил туда на своей лошади останки погибших в гетто из мест захоронения под Могилевом. Потом на эти же деньги был установлен обелиск.

Помню еще, что мы мацу пекли сами у себя дома. Была и специальная доска, качалки, метелки, лопатки. Приходили знакомые женщины и «качали» тонкие коржи. Я тоже в этом участвовала. Вообще, это очень тонкое дело. Берется порция муки и в нее вливается точно грамм в грамм столько воды, чтобы получилось нужной плотности тесто. Доливать воду по еврейским

традициям нельзя. Это называется «а мейре». Мои родители в этом были специалистами: и в замесе, и в катании, и в выпечке. Делали мацы много, себе и знакомым, чтобы хватило на все дни Песаха. В эти дни с чердака снималась специальная посуда, и папа с мамой ели отдельно от нас в другой комнате, мы сами тогда еще «кашрут» не соблюдали. В другие праздники, например Новый год, нужно было поститься. Тогда в вечер перед этим родители ужинали и шли молиться. Утром рано снова шли молиться, но уже не ели ничего. Мама заранее пекла много медовых пирогов «леках». Часть несли «ин минин», часть оставляли дома. Я уже знала, что возвратятся они только после шести вечера, когда солнце сядет. К их приходу уже кипел чайник и готова была горячая еда. Возвращаясь, родители всегда приносили кусочки «леках» по количеству членов семьи. Он уже как бы был «освящен» их молитвами. Бог с ними прислал эти сладкие кусочки, чтобы год был тоже сладким: "Зол зайн а зицер йор".

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

РЫЖОВА Эдуарда (Герца) Исааковича (р. 1929)

«Отец мой, **Исаак Борисович Рыжов**, родился в Могилеве. Работал на лошади, продолжил семейное дело. У него был фаэтон (легковой возок), покрывало на него он купил у кучера царя.

Был он очень уважаемым в городе человеком и добросовестным, честным евреем. Дом был примерно там, где сейчас находится «Спутник». Он был младшим сыном в семье. Две сестры и он остались в Могилеве, а два брата и сестра уехали в Америку где-то в 1913 г.

Когда отец служил в царской армии, там было два Рыжовых — он и **Рыжов Иван**. И вот к Пасхе, например, присылают ему посылку, а получает ее Рыжов Иван.

Отец был совершенно неграмотным человеком. Он сам научился грамоте и читал газеты. И помнил, какого цвета накладная, и что в ней. На рояле мог играть. Ему на хранение приносили облигации, золото. И молитвы знал — на какой странице какая.

Мама — **Анна Григорьевна Лесниковская**. Она родилась в Белостоке. В 20-е гг. переехала сюда. А когда ей понадобились метрики и послали запрос, то ответили, что архивы советских граждан не сохранились. Она рассказывала, что здесь тогда не знали, что такое помидоры.

Отец не собирался уезжать. А мать разговаривала с беженцами из Минска и сказала: «Дети, мы обязательно должны уехать.

Эдуард (Герц) Исаакович Рыжов с женой

Лучше нужда, чем оставаться на погибель». У нас была очень хорошая лошадь. И мы поехали, а когда были возле Рясно, отца призвали в армию. Свою лошадь отдали в красный транспорт.

Мы приехали в Орловскую область. Работали в отделении совхоза. А потом председатель сказал, чтобы уезжали, потому что немцы были на подступах. В Брянске были пески, лошадь кормить нечем. И мы прицепили свою телегу к трактористам, а я ехал на лошади верхом. И вот на одной поляне лошадь легла и стала есть клевер. А я соскочил и пошел догонять трактора. А потом мы уехали в Тамбовскую область и пробыли там зиму. Я в колхозе возил селому с молотилки.

Сестра матери из Москвы уехала в Пермь. Мы с ней списались, и она прислала нам вызов. Но в Саратове у нас украли все документы. И нас направили в какой-то колхоз, где я работал пастухом. А потом мы все же уехали в Пермь. Там я работал на заводе, и мне подставляли стульчик, чтобы я мог достать до станка. Вот так и с детства строил советскую власть.

Об отце мы ничего не знали. Одна цыганка гадала маме в Перми и сказала, что отец жив,

Короткий «перекус» во время работы.

Фото из семейного архива Залмансон-Рыжовой Б.И.

«Изготавливать мацу мы начали в послевоенные годы. Сначала качали качалкой, тяжело было очень. Мой брат Эдик Рыжов сделал специальную машинку, сразу стало проще. Но муку надо было месить, трамбовать — все равно очень тяжелый процесс. Но тесто получалось у нас очень хорошее. Снабжали мацой весь Могилев и из районов приезжали» (из воспоминаний Залмансон-Рыжовой Берты Исааковны (1925—2008)).

и вернется, и будем мы жить хорошо: у нас даже будет корова. И у нас таки была корова после войны. А отца из Одессы командир послал за своей семьей. Он нашел тетку, и она дала наш адрес. И тогда отец пошел к жене этого командира, они вместе пошли к коменданту, и тот разрешил ему съездить к семье. У отца была хорошая английская шинель. Из нее потом дочери сшили пальто.

В Могилев мы вернулись в январе 1946 г. Отец демобилизовался и приехал за нами. Он взял 10 тысяч ссуды. Мы построили дом. Потом, после реформы, надо было платить 12 тысяч новыми.

У нас была очень дружная семья. Никогда не было дразг, споров, драк. Отец был строгим человеком. А мать нас никогда не наказывала. Жили не в нужде, обычаи все соблюдали. Мать даже дочерям не давала свою посуду — все должно было быть кошерное. Молочное — отдельно, мясное — отдельно, пасхальное — вообще отдельно.

На молитве не должно было быть меньше 10 человек. Бывало, не хватает, так меня подвезут, и я сижу и смотрю, как они молятся. Моления проходили в частных домах. Зеликовы сдавали свой

Эдуард Исаакович Рыжов со своими голубями.

«Был он хороший специалист, цену себе знал, и на заводе его ценили. Однажды он послал «на три буквы» мастера, и тот пожаловался начальству. Вызвали Рыжкова «на ковер» и стали допытываться, было или нет. Эдик за словом в карман никогда не лез, и тут тоже не сплывал. Говорит: «Что посылал — было. Но ведь он мог и не пойти». Присходило это так или иначе — точно не знаю. Но что эта история передавалась из уст в уста на заводе «Строммашина» — точно» (из воспоминаний Ваймана Михаила Исааковича (р. 1926)).

«домик на куриных ножках» возле ДК Швейников. Еще на Езерской, возле оврага, жил старик **Качурин**. Он считался *габе* (габай — староста синагоги). **Грайсланд** жил напротив машиностроительного техникума. В городе он тоже был габе. Пожилые люди, ходившие молиться, были очень простые: кто на лошади работал, кто на заводе, кто заготовителем. Старички платили, сколько — не знаю, никогда не интересовался. Таких не преследовали и не арестовывали. Их сейчас никого нет. Дети уехали: кто в Америку, кто в Израиль.

Раньше, когда не было специальных машинок, собирались представители от нескольких семей и у кого-то пекли мацу для всех. Круглую мацу катали каталками, делали отверстия, чтобы не вздувалась. Раньше пачка муки была 3 кг, потом стала 2 кг. И нужно было очень точно определенную дозу воды налить. Когда через машинку все прошло (у Зеликова была машинка) тесто должно лежать на столе не более 15 минут. Воду заливали в бак вечером, и она должна была отстоять ночь. Все ритуалы выполнялись точно, за чем строго следил мой отец Исаак Борисович. Если во время выпечки мацы угол загибался, это уже считалось браком. Я работал на «Электродвигателе» слесарем-инструментальщиком, было свое личное клеймо. Не составило труда по эскизам с машинки Зеликова сделать свою.

Это очень пыльное и грязное дело — выпечка мацы. Печь, дрова, сажка. И мама сказала: «Дети, больше в доме печь не будете. У нас большой сарай — оборудуйте там все и пеките». Так мы и сделали. Работали в нашем доме в районе металлургического завода. Нашу мацу посылали и в Москву, и в Ленинград, и даже в Америку. Пекли

где-то с 60-го года. По вечерам. Потому что утром все работали.

Люди приносили свою муку, свою тару, размещали заказ. На человека было положено на Песах 4 кг. И если какой-то семье не хватало, то во время Песаха были дни, когда мацу можно было допекать. Сначала мука стоила 46 коп. за 1 кг. Испечь тогда килограмм мацы стоило 60 коп., потом 1 руб., потом 2 руб. И так цены росли и росли. А сейчас такая выпечка, наверное, очень много стоит, но печь все равно нигде. Я предлагал в общине: давайте будем печь, каждый свою муку принесет... Но от этого отказались.

Не обходилось и без конкуренции. Нехаму Качурина торговала на базаре и тоже пекла мацу. И она нас заложила. Пришли пожарные и запломбировали камин в печке. Но у нас был сосед — **Петр Трофимович Евтухов**, директор школы, с большими связями. Мы к нему обратились. И продолжали действовать. Вечерами носили мацу в простынях и наволочках или в чемоданах. А так притеснений не было, даже не знали, что это такое. Я доволен тем, что хоть немного понимаю еврейский и могу хорошо разговаривать. Ну, а большинство же скрывало, что они евреи. Отец моей матери был когда-то раввином.

Однажды один из родственников приезжал в гости, и, когда мы ходили оформлять его, полковник милиции спросил у меня: «Вы не стесняетесь того, что вы еврей?» Я ему ответил: «Что вы! Я горжусь этим!»

А, в общем-то, если откровенно говорить, всю жизнь презренные... Это не секрет. Если разобратся, то пьяниц в нашей национальности нет, бандитов нет, жуликов тоже. Если б жило больше

Дом Рыжовых, где изготавливалась маца.
Фото из семейного архива Рыжовой Б.И.

еще до революции уехали в США. И нашли они нас здесь в самом конце 50-х гг. С тех пор мы переписываемся. Мой племянник **Сид Рыжов** приезжал сюда один раз еще в годы, когда был Союз. Я ездила в США два раза с младшей дочкой. Мы жили возле стадиона на ул. Пржевальского.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

РЫЖОВОЙ Берты Исааковны
(1925—2008)

*«Родилась я в 1925 г. Мама моя, **Анна Григорьевна Резниковская**, в синагогу не ходила, но все праздники она делала. Она всегда в пятницу топилла печку, делала чолнт (традиционное еврейское блюдо из мяса, овощей, крупы и фасоли) и всякие вкусные еврейские кушанья. Папа ходил в синагогу, и, когда возвращался, мы садились кушать. Он тоже надевал на себя талес. Но говорили мы все на русском языке, хотя идиш и понимали. Родители ведь с нами не разговаривали на идише, только между собой. Мы жили среди русских, учились в русских школах, и так вот вышло, что родной язык у нас русский. Сестра мамы и два брата*

евреев, может, и у милиции было бы меньше забот».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

КОЛИНОЙ-ПИСТУНОВИЧ Анны Борисовны (р. 1948)

«Мой дед по матери, **Лейзер Мовшевич Милькин**, всю жизнь, сколько я себя помню, работал портным. Жил он в «доме Ленина», что на Первомайской (долгое время в нем располагались железнодорожные кассы), а на работу ходил на швейную фабрику, которая располагалась напротив. Я сама с 1948 г., так что все воспоминания касаются послевоенной жизни, т. е. после 50-х гг. В это время многие хотели забыть, что они евреи, и тем более вытравить эту память из своих детей. Но это никак не касалась моих бабушки и дедушки. Они говорили: «Мы сами евреи и должны привить еврейство своим детям и внукам». Разговаривали они между собой только на идиш. Так и я узнала этот язык и понимаю сейчас неплохо.

Когда наступал *шабес* (суббота), работать было нельзя. Но дед должен был к понедельнику закончить какое-нибудь пальто. Он потихоньку вставал рано утром в субботу и садился за работу. Но подсказывала бабушка и кричала: «Лейзерне!

Бывший еврейский дом на Быховской улице, на косяке которого хорошо видно место от находившейся здесь мезузы.

Вос ту, вос ту! Шабес!» Прямо подсказывала к нему и руками махала. А он ей извиняющимся тоном: «Хъене! Ну, Хъене! Ми дарф, ми дарф (я должен). Это гелд (деньги)...» Но бабка вырывала у него пальто, вешала в кладовку и закрывала на ключ.

На Песах или другой религиозный праздник мы, дети, всегда ходили с бабушкой и дедушкой в молельный дом, который находился на Ленинской во дворе дома, где недавно находился магазин

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ЛИВШИЦ Доры Давыдовны (р. 1926)

«Существовал миньян на Луполово в частном доме на ул. Полевой, напротив нынешней поликлиники. Читали молитвы там Аврам Дусовицкий и Гиришел Агрест. Это было в 60—70-е гг. Помню это очень хорошо, т. к. мама, когда умерла, просила чтобы «кадиш» по ней читал именно Дусовицкий. Мама моя была довольно религиозная, и после возвращения в Могилев из эвакуации в конце 40-х — в 50-е гг. она ходила молиться в миньян куда-то в районе ул. Лазаренко. Позже, когда образовался миньян на Луполово, о котором я говорила, она стала ходить туда. И говорила все: «Читает Дусовицкий — прямо заслушаешься». Сам Дусовицкий был участником войны. Жил у дочки на проспекте Мира.

Второй из лидеров миньяна — Гиришел Агрест работал на хлебозаводе № 1 кладовщиком. Жена работала в Княжицах, откуда они и переехали в Могилев. Они построили дом на Полевой улице, где потом находился миньян. Он тоже был очень знающий человек, знал иврит и еврейскую традицию. Моя двоюродная сестра вышла замуж за его сына. Его хоронили в 80-х гг. тоже по еврейскому обычаю. Но «тахрихим» одели ему под костюм, иначе хоронить не разрешали. «Кадиш» читал Гриша Шендерей, который тоже жил на Луполово недалеко от Агреста.

Миньян распался где-то в конце 70-х или начале 80-х гг., когда умер Дусовицкий, а Агрест и Шендерей с Луполово переехали.

В это время на кладбище «кадиш» читал обычно Альтшулер. Он был в свое время активным коммунистом, но потом ему «подрезали крылья», и он ушел в религию. Именно он был одним из организаторов сбора денег для перевозки останков погибших в гетто на кладбище и установки памятника. Люди ходили по домам, и каждый дом выделял мешок и деньги. Это было после 1948 г.»

Могилевские старики после миньяна.
Фото 60-х гг. XX в. из семейного архива Рыжова Э.И.

«Белвест», а раньше аптека. Это был чей-то частный деревянный домик, но евреев туда собиралось много. Много было и детей. Мне тогда, наверное, не было и десяти лет, но я с большим интересом наблюдала, как дед накидывал на себя талес, надевал также коробочки-твилы и молился. Ну а для нас, детей, важно было, что никогда оттуда без угощения не уходили.

В первый день Песаха мы с родителями и дедами обедали вместе. Как ни тяжело было финансово, но красное вино обязательно должно было стоять на столе. Я училась в школе № 1, и, когда, бывало, забегала к деду, он говорил: «Не убегай сегодня, оставайся с подружками, будем мацу толочь в ступе». И я ему помогала, а бабушка

куры и повара сильно отличаются от наших — совсем другой вкус. Его жена, русская, попробовав израильские шейки, очень возмущалась: «Что ты нашел в этих шейках, не понимаю». На что он говорил: «Лена, вот если бы ты попробовала то, что готовила бабушка!» Вроде, сейчас и я могу это делать, но так, как делала моя бабушка, — это просто пальчики оближешь. Ко мне часто приходили подружки, и они с удовольствием угощались этими кушаньями. Семья наша была очень гостеприимная. Если подружка появлялась на пороге, мама кричала: «А, Нина! Ну-ка заведи Нину сюда, угости девочку!» А подружка сначала стеснялась, говорила, что мы такой еды не знаем, но потом ела с большим удовольствием.

пекла *имберлах* — мацу в меду, *кнейделах* — это кругленькие такие галушки из мацы и куриного жира. Делала она и *бульбе цимес* — это тушеная картошка с черносливом, *форшмак* из печени, очень вкусно пекла *тейглах* — такие кружки в меду и медовую коврижку. Но верхом кулинарного искусства были начиненные куриные шейки. Гуся тоже любили, и курей, конечно, которых покупали обычно на Быховском рынке. И там же был специальный резник, через которого проходили все только что купленные куры. Мой сын, который сейчас в Израиле, вспоминает часто, что вкуснее бабушкиных «шеек» не было ничего в мире. В Израиле продаются готовые, замороженные, но, по-видимому, израильские

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ЗЕЛИКОВОЙ Симы Ефимовны (р. 1930)

«Я могу сказать, где я и когда услышала про Израиль. После войны мы жили у дяди, в доме напротив кинотеатра «Чырвоная Зорка». У моей двоюродной сестры была подруга Соня Хинич. И моя тетя иногда тихонечко мне шепотом говорила: «У них есть родственники в Израиле». Это говорилось столь тихо, чтобы никто посторонний, не дай Бог, не услышал. Иногда эта Соня приходила в красивых, необычных для нас вещах. И мы не понимали, откуда это все, потому что мы то ходили одетые страшно. И тетя опять говорила шепотом: «Это они получили посылку из Израиля!» Это произносилось так, как будто речь шла о каторге, ссылке. Мне и лет было не так много, но все же эту таинственность хорошо помню и сейчас.

Лейба Меерович Гуревич, мой дядя, когда приходил к нам и когда они собирались втроем — он, мама и ее сестра, — всегда на расставание говорил по-еврейски: «До встречи в Иерусалиме!» Звучало это как какая-то непонятная фантазия. Мы знали, что есть такой город. Но где он находится и что из себя представляет? Честно говоря, мы тогда надо всем этим посмеивались: и над их набожностью, и над их обычаями, и то, что они в субботу не хотят работать, — нас так воспитали! У моей тети была отдельная посуда. Ну а мы, дети, зная это, пытались ее обмануть, подменить тарелки или что-то еще сделать... Нам было смешно, и мы тогда просто не понимали, что делали».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

РАЙЦЕС Розы Михайловны (р. 1934)

«Отец мой, Михаль Йоселевич Буз, 1898 г.р., родом из местечка Чиряя Витебской губернии. До революции у его семьи где-то был свой маленький сыроваренный завод. Там делали сыры, творог и отвозили продавать. У них было примерно 60 лошадей, много коров. Когда началась революция, у них это все забрали и сделали еврейский колхоз. Вся родня папы уехала жить в Баку, у отца было 12 детей в семье. А мы переехали оттуда в Могилев в 1939 г., перед самой войной. Мне тогда не было еще 6 лет. Из эвакуации вернулись в Могилев в 1946 г. Папа работал в конторе «Вторутильсырьье». Был он очень религиозным человеком. Ходил молиться на Мышаковку, потом к какому-то Агресту, недалеко от труболитейного завода. Там же пекли мацу. Агрест был старшим в миньяне. Там собирали деньги и покупали дрова тем, кто не мог их купить себе, потом просто передавали деньги бедным. Папа всегда соблюдал шабат, пытался соблюдать и кашрут. Нас очень ругал, когда что-то не по традиции делали. Умер он в 1986 г. Его хоронили по еврейской традиции».

Маца у нас была круглый год. На Ленинской жил **Зелик Косовский**, который сам сделал станок и на нем выпекал мацу. А мы с дедом приносили эту мацу в простынях или наволочках. Судьбу Зелика Косовского я точно не знаю, но говорили, что его посадили именно за эту мацу. Насколько это правда, мне неизвестно.

Перед Пасхой дом вычищался до блеска. Весь хамец, т. е. плохое, выкидывался и вычищался, на кухне все блестело. Хлеба не было в доме и близко, только маца. Даже удивительно, как дед с бабой могли так выдерживать. А нам говорили: «Потерпите, это полезно». И вы знаете, действительно, они прожили по 82 года и, главное, практически не болели. Праздновали и другие праздники. Хорошо помнится *Рош-ха-Шана* — Новый год. Тоже собирались за одним столом у деда с бабой, обязательно на столе было вино и яблоки с медом, чтобы Новый год был сладким. Всех поздравляли, а детям давали подарки. А бабушка говорила: «Вот у нас даже два Новых года». Ну, а для детей праздник лишним никогда не был. Праздновали и *Сукес* (сейчас называется *Суккот*).

Был у деда и Талмуд, по которому он читал молитвы. Когда дед умер, молитвенник, талес, твилы положили в гроб вместе с ним.

Помню я, и как в 60-х гг., когда не было еще еврейской общины, собирались деньги на памятник, который потом установили на еврейском кладбище. И бабушка мой принимал в этом активное участие. Когда у него появлялись в кармане какие-то копейки, он говорил бабушке **Хьене Нахимовне**: «Ай, Хьена, все равно это не деньги. Надо сделать «а мицве», т. е. отдать на благотворительность. Бабушка обычно была недовольна, но дед уговаривал, что надо обязательно собрать на этот памятник погибшим в годы войны.

Дед был очень добрым человеком. Хорошо помню, как мой брат, тогда учащийся строительного техникума, приводил к деду своих товарищей, и дед им зауживал брюки, тогда это было очень модно. Только потом говорил брату: «Мишенька, ну не води так много людей. Я же не смогу всем все сделать». Дедушку уважали все, вне зависимости от национальности. И дед ко всем очень тепло относился. К бабушке часто приходила соседка одолжить то рубль, то два, по-видимому, не очень благополучная, и

он всегда давал и говорил потом: «Она хорошая, хоть и русская, но хорошая».

Что еще запомнилось? 60-е гг., война Израиля с арабами. Тогда отношение к евреям у нас резко ухудшилось. У деда был приемник, и они с бабой по ночам его слушали. Дед говорил нам, когда мы приходили из школы: «Серьезное дело идет — война. Но будет толк, будет толк... Наши завоевали то-то и то-то». Для деда, конечно, наши — это был Израиль. А иногда он нам объяснял: «Вы не представляете, как хорошо, что есть где-то хоть маленький клочок, но нашей земли».

Я очень благодарна и деду, и бабушке, что передали нам язык. Его знание для себя считаю очень важным. А иногда полезным. Вот один раз мы с мужем были в Кишиневе. Стали в длинную очередь за консервами. Продавец — такой смуглый молдованин, подходит наша очередь, и я его спрашиваю: «А консервы хорошие?» А он отвечает на идиш: «А дрекесе!» Я к мужу: «Вова, брат не будем». А он: «Как это? Мы такую очередь отстояли!» Но я своему соплеменнику поверила, и мы эти консервы так и не купили.

Я все понимаю, но, к сожалению, мне не с кем было общаться. Но не так давно пришлось его употребить. Поехали в Израиль к своей сестре, которая там живет уже девять лет. Смогла устроиться подработать в ресторане. Без языка очень тяжело было, но одна старая еврейка говорила на идиш, ввела меня в курс всех дел, и стало гораздо легче, т. к. появился язык общения.

А отношения между евреями и белорусами были в мои времена, мне кажется, очень хорошими. Мы дружили, а в школе, бывало, обзовут и «жидовкой», но мне кажется, это было минутное. А сейчас, если я кого-то встречаю из знакомых тех времен, мы обнимаемся и целуемся. Нас согревают воспоминания о том времени».